

Дин Р. КУНЦ

ПОКРОВИТЕЛЬ

Дин Кунц

Покровитель

Кунц Д. Р.

Покровитель / Д. Р. Кунц —

Шторм разразился в ту ночь, когда родилась Лаура Шан. Такой странной погоды люди не помнили давно, но более мистичным был светловолосый незнакомец, который появился из ниоткуда, – человек, который спас Лауру во время ее рождения. Годы спустя – другая вспышка молнии – к незнакомец возвращается, чтобы снова спасти Лауру от трагедии. Был ли он ее ангелом-спасителем? А может, переодетым дьяволом? Или творцом судьбы во времени и пространстве? Известный писатель Дин Р. Кунц представляет свой блестящий триллер. Оглушительный шедевр фантазии...

Содержание

Книга первая	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	29
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	31
ГЛАВА 1	31
ГЛАВА 2	36
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	43
ГЛАВА 8	47
ГЛАВА 9	48
ГЛАВА 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дин Кунц

Покровитель

Книга первая

ЛАУРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВЕЧА НА ВЕТРУ

ГЛАВА 1

Шторм разразился в ту ночь, когда родилась Лаура Шан. Такой страшной погоды люди не помнили много лет.

Среда 12 января 1955 года была холодной, серой и унылой. Густые и пушистые снежинки спускались с низкого неба, и жители Делвера съежились в ожидании лавины с горы Роки. К десяти часам ночи холодный ветер подул с запада, завывая среди горных проходов и неровных склонов, покрытых лесом. Снежинки стали меньше, став размером с пестики, и издавали скрипящий звук, когда ветер бросал их и окно кабинета доктора Пола Марквелла.

Марквелл откинулся в кресле за своим столом и пил шотландский виски, чтобы согреться. Проникающий озноб, который беспокоил его, был вызван не зимней погодой, а внутренним холодом его рассудка и сердца.

Эти четыре года, с тех пор как его единственный ребенок, Ленни, умер от полиомелита, Марквелл пил все больше и больше. Несмотря на возможный экстренный вызов в Медицинский округ, он достал бутылку и налил себе еще «Чивас Регал».

В наступившем 1955 году дети прививались вакциной доктора Джонаса Салка, и был близок тот день, когда ни один ребенок не будет парализован или убит полиомиелитом. Но Ленни заболел в 1951 году, за год до того, как Салк проверил вакцину. Дыхательные пути мальчика были тоже парализованы, и болезнь была осложнена еще и бронхопневмонией. У Ленни не было и шанса на выздоровление.

Со стороны западных гор ночь нарушил глухой рокот, но сначала Марквелл не придавал этому значения. Он был так погружен в свое собственное страдание и печаль, что временами лишь подсознательно участвовал в окружающих его событиях.

Фотография Ленни стояла на его столе. Даже после четырех лет ему было больно смотреть на улыбающееся лицо сына. Он мог бы убрать фото, но вместо этого поставил его на самое видное место.

Никого из коллег не беспокоили запои Пола Марквелла. Он никогда не появлялся перед ними пьяным. Ошибки, которые он допустил в лечении некоторых пациентов, привели к осложнениям, которые они относили к его небрежности.

Но он знал, что это были грубые ошибки, которые заставляли пить его еще больше.

Снова раздался рокот. На этот раз он узнал раскаты грома, но по-прежнему не придавал им значения.

Зазвонил телефон. Скотч заставил онеметь его члены и замедлил реакцию, поэтому он поднял трубку только после третьего звонка.

– Алло?

– Доктор Марквелл? Это Генри Ямата, – голос Яматы, молодого врача из Медицинского округа, звучал встревоженно. – Одну из ваших пациенток, Джэнет Шан, только что привез ее муж. Она в лаборатории. Их задержал шторм, и они очень долго добирались до нас.

Слушая, Марквелл продолжал прикладываться к виски. Потом, довольный тем, что язык не заплетается, он спросил:

– Она еще по-прежнему на первой стадии?

– Да, но боли усилились и слишком затянулись для этого времени. Из вагины начала выделяться кровавая слизь.

– Этого следовало ожидать. Ямата нетерпеливо сказал:

– Нет, нет. Это необычно.

Кровавая слизь была явным признаком того, что надвигались роды. Как бы то ни было, Ямата сказал, что миссис Шан уже в лаборатории. Марквелл глубоко ошибался, предполагая, что молодой врач говорил об обычных явлениях.

Ямата сказал:

– Кровотечение не слишком сильное, но что-то не так. Инертность матки, закупоривание таза, постоянное ослабление организма.

– Я бы заметил физиологические отклонения, которые подвергали бы опасности беременность, – сказал Марквелл резко. Но он знал, что он мог не заметить... если был тогда пьян. – Сегодня дежурит доктор Карлсон. Если что-то будет не так, прежде чем я сменю его, он...

– Нам привезли четырех жертв несчастного случая. Двое в критическом состоянии. У Карлсона полон рот забот. Вы нужны нам, доктор Марквелл.

– Я буду через двадцать минут.

Марквелл положил трубку, допил скотч и достал из кармана мятные таблетки. С тех пор как он стал алкоголиком, он всегда носил с собой эти таблетки. Порвав упаковку и сунув таблетку в рот, он вышел из кабинета и направился в фойе.

Он был пьян и собирался принимать ребенка. Если работа будет проделана плохо, это будет означать конец его карьеры и гибель репутации, но это его не волновало. В действительности, он давно уже ожидал этого краха.

Ом натягивал свое пальто, когда раскаты грома прорезали ночную тишину. Дом завибрировал.

Он нахмурился и выглянул в окно рядом с входной дверью. Прекрасный сухой снег кружился за стеклом, на некоторое время зависая в воздухе, когда утихал ветер, потом снова кружился. Только раза два за все годы он слышал гром во время снежной бури. Теперь он был тихим и далеким, не предвещающим никакой угрозы.

Сверкнула молния, еще раз. Падающий снег сверкал в редких вспышках света. В эти моменты окно превращалось в зеркало, в котором Марквелл видел свое помятое лицо. Следующий раскат грома был громче предыдущего.

Он открыл дверь и осторожно выглянул в бурную ночь. Сильные порывы ветра забрасывали хлопья снега под выступ крыши, швыряли их на торцевую стену дома. Свежий, двух-трехдюймовый белый покров накрыл газон, он также покрывал тяжелые лапы сосен.

Вспышка молнии ослепила Марквелла. Раскат грома был так ужасен, что казалось, что он исходил не только с неба, но и из земли, как будто небеса и земля разверзлись. Две широкие, протяжные сверкающие молнии рассекли мрак. Повсюду проявились скорченные и согнутые силуэты. Тени перил крыльца, балюстрад, деревьев, обнаженных кустов и уличных фонарей становились такими таинственными при вспышках молнии, что знакомый Марквеллу мир приобрел характеристики сюрреалистической картины; неземной свет, освещавший предметы, придавал им искаженные формы, делал их неузнаваемыми. Сбитый с толку сверкающим небом, громом, ветром и колышущейся белой пеленой шторма, Марквелл вдруг впервые за эту ночь почувствовал себя пьяным. Он удивлялся тому, что на его состояние повлияло

больше: реальные причуды электрического явления или галлюцинации, вызванные алкоголем. Он осторожно прошел через скользкое крыльцо к краю ступенек, которые вели к засыпанной снегом дорожке. Свесившись с крыльца, он задрал голову и посмотрел на освещенное вспышками небо.

Целый ряд молний осветил передний газон и улицу, напомнив сцену из кинофильма, прокрученную в ускоренной проекции. Все краски ночи исчезли, оставив лишь ярко-белый цвет молний, беззвездное небо, сияющую белизну снега и черные, как чернила, дрожащие тени. Пока он в страхе и благоговении смотрел на причудливое и божественное зрелище, небеса вновь разверзлись раскатами грома. Метнувшаяся к земле молния задела железный громадный столб всего в шестидесяти футах от него, и Марквелл вскрикнул в ужасе. В момент удара ночь стала ослепительной, и стеклянная лампа разлетелась вдребезги. Раскат грома отдался в зубах Марквелла, пол крыльца задрожал. В холодном воздухе вдруг запахло озоном и раскаленным железом.

Тишина, спокойствие и мрак вернулись.

Удивленные соседи появились на крыльце, на другой стороне улицы. Или, может быть, они были там все время, а он заметил их только теперь, когда его глаза привыкли к темноте. Несколько притихший снегопад позволил повнимательнее рассмотреть фонарный столб, железный наконечник которого наполовину расплавился. Соседи перекликнулись друг с другом и с Марквеллом, но он не ответил.

Ужасающее зрелище несколько не отрезвило его. Испугавшись, что соседи определяют его пьяное состояние, Марквелл повернулся и вошел в дом.

Кроме того, у него не было времени болтать о погоде. Он должен был побеспокоиться о беременной женщине и о ребенке, которого нужно принять. Пытаясь восстановить самоконтроль, он вынул из шкафа шерстяной шарф, обмотал его вокруг шеи и скрепил его концы на груди. Его руки тряслись, пальцы были скованы, но все-таки ему удалось застегнуть пуговицы своего пальто. Борясь с головокружением, он натянул пару галош.

Он был убежден, что эта молния имела для него какое-то особенное значение. Знак, предзнаменование. Ерунда. Это действовало виски. Предчувствие оставалось, когда он подошел к гаражу, поднял дверь и вывел машину. Зимние цепи на колесах мягко скрипели по снегу.

Когда он выехал на машине к воротам, намереваясь выйти и закрыть гараж, кто-то тяжело ударил по заднему стеклу. Удивленный Марквелл обернулся и увидел согнувшегося мужчину, который смотрел на него сквозь стекло.

Незнакомцу было примерно лет тридцать пять. Это был крепкий мужчина хорошего телосложения. Доже сквозь частично затуманенное стекло он выглядел поразительно. На нем был морской бушлат с поднятым воротником. На морозном воздухе из его ноздрей шел пар, а когда он говорил, слова превращались в густые клубы белого пара.

– Доктор Марквелл? Марквелл опустил стекло.

– Да.

– Доктор Марквелл?

– Да, да. Разве я не сказал это только что? Но сегодня я не принимаю, кроме этого, мне нужно ехать к пациенту в больницу.

У незнакомца были необычные голубые глаза, чей цвет ассоциировался у Марквелла с чистым зимним небом, отраженным в очень тонком льду только что замерзшего бассейна. Это были красивые глаза, но тут же он понял, что эти глаза принадлежали опасному человеку.

Прежде чем Марквелл успел включить передачу и выехать на улицу, где он мог найти помощь, незнакомец в бушлате сунул в открытое окно пистолет.

– Не делайте никаких глупостей.

Когда дуло уперлось в кадык, доктор с удивлением понял, что вовсе не хотел умирать. Раньше он так долго вынашивал идею о своей готовности встретить смерть. Теперь же, вместо

того чтобы порадоваться такой возможности расстаться с жизнью, он испугался за нее. Хотя жизнь лишь оттягивала встречу с сыном, с которым он мог встретиться только в смерти.

– Погасите фары, доктор. Хорошо. Теперь выключите мотор.

Марквелл вытащил ключ из замка.

– Кто вы?

– Это неважно.

– Это важно для меня. Что вы хотите со мной делать?

– Подружиться. Я не причиню вам вреда. Но только попытайтесь шевельнуться, и я снесу вам к черту башку, потом разряжу магазин в ваше мертвое тело, чтобы отправить его в ад, – его тихий и приятный голос был весьма убедительным. – Дайте мне ключи.

Марквелл протянул их через открытое окно.

– Теперь выходите.

Медленно трезвея, Марквелл вылез из машины. Сильный ветер хлестал в лицо. Ему пришлось прищуриться, так как сверкающий снег слепил глаза.

– Прежде чем закрыть дверь, закройте окно. Незнакомец шагнул в сторону, загородив улицу —

последнюю возможность бежать.

– О'кэй, очень хорошо. Теперь, доктор, пойдете со мной в гараж.

– Это какое-то сумасшествие. Что...

– Вперед.

Незнакомец шел с боку от Марквелла, держа его за левую руку. Если кто-то и смотрел из соседних домов или с улицы, то мрак и падающий снег скрывали пистолет.

В гараже по указанию незнакомца Марквелл опустил дверь. Но несмазанные петли закрипели.

– Если вам нужны деньги...

– Заткнись и иди в дом.

– Послушайте, моя пациентка в округе...

– Если ты не закроешь рот, то я выбью рукояткой все твои зубы и ты не сможешь больше разговаривать.

Марквелл поверил ему. Шести футов ростом и ста восьмидесяти фунтов весом, незнакомец был размером с Марквелла, но в нем было что-то пугающее. Его светлые волосы намокли от растаявшего снега, капли воды стекали по его бровям и вискам. Он, казалось, был лишен всякой человечности и напоминал ледяную фигуру из зимнего карнавала. Марквелл не сомневался, что в физической борьбе незнакомец одержал бы верх и над более сильным противником, особенно над пьяным доктором средних лет и в очень плохой форме.

Боб Шан чувствовал клаустрофобию в стесненной комнатухе для ожидающих отцов. В комнате был мнений белый потолок, однообразные зеленые стены и единственное окно, затянутое морозным узором. Шести стульев и двух миленьких столов было слишком много для такого узкого пространства. Он боролся со страстным желанием распахнуть качающиеся двери в коридор, пробежать до конца больницы, пересечь главную приемную комнату и вырваться в холодную ночь, где не пахло антисептиками и болезнями.

Однако он оставался в комнате отдыха, чтобы быть поблизости от Джэнет, которой он мог понадобиться. Что-то было не так. Схватки должны были быть болезненными, но не такими агонизирующими и зверскими, которые Джэнет не выдержит слишком долго. Врачи не допускали серьезных осложнений, но они были явно встревожены.

Боб понял источник своей клаустрофобии. На самом деле, он не боялся стен, которые, казалось, надвигались. Он боялся надвигающейся смерти его жены, его нерожденного ребенка – их обоих.

Качающиеся двери распахнулись, и в комнату вошел доктор Ямата. Вскочив со стула, Боб задел край стола и сбросил на пол дюжину журналов.

– Как она, док?

– Ничего страшного, – Ямата был невысоким щуплым мужчиной с приятным лицом и большими печальными глазами. – Доктор Марквелл скоро будет здесь.

– Надеюсь, вы за ней присмотрите, пока он не придет?

– Да. Конечно. Она хорошо себя чувствует. Я думал, вам будет легче, если и вы узнаете, что доктор уже на пути сюда.

– О, да... Спасибо. Послушайте, могу я ее увидеть, док?

– Пока нет, – сказал Ямата.

– А когда?

– Когда она будет менее утомлена.

– Что это за ответ? Когда же она будет менее утомлена? Когда она вообще выйдет отсюда?

Он тут же попытался загладить свой срыв.

– Я... Я прошу прощения, док. Это потому... Что я боюсь.

– Я знаю. Я знаю.

Внутренняя дверь соединяла гараж Марквелла с домом. Они прошли через кухню в коридор первого этажа, где включили свет. Куски тающего снега падали с их ботинок.

Незнакомец с пистолетом заглянул в столовую, гостиную, кабинет, медицинский кабинет и комнату для ожидающих гостей и пациентов, потом сказал:

– Наверх.

В спальне хозяина незнакомец включил одну из ламп. Он взял стул с высокой спинкой и поставил его на середину комнаты.

– Доктор, снимите, пожалуйста, ваши перчатки, пальто и шарф.

Марквелл поднялся, сбросил одежду на пол и сел на стул лицом к незнакомцу.

Незнакомец положил пистолет на туалетный столик и достал из кармана моток крепкой веревки. Он сунул руку за полу бушлата и достал короткий широколезвенный нож, который, очевидно, висел в ножнах, прикрепленных к его поясному ремню. Он разрезал веревку на куски, которые предназначались для того, чтобы привязать Марквелла к стулу.

Доктор смотрел на пистолет, лежащий на туалетном столике, рассчитывая свои шансы схватить его раньше незнакомца. Потом он встретил взгляд голубых глаз и понял, что его план был понятен незнакомцу, как простое лукавство ребенка было понятно взрослому.

Блондин улыбнулся, как будто говоря: «Давай, попробуй».

Пол Марквелл хотел жить. Он послушно и тихо сидел, пока незнакомец привязывал его руки и ноги к стулу.

Завязывая узлы, но не слишком сильно, незнакомец, казалось, проявлял необычную заботу о своем пленнике.

– Я не хочу совать тебе в рот кляп. Ты пьян, с кляпом во рту тебя может вырвать, и ты захлебнешься. Поэтому я полагаюсь на тебя. Но если ты позовешь на помощь, я тут же прикончу тебя. Понятно?

– Да.

Когда незнакомец произносил несколько слов, он произносил их с мягким и неопределенным акцентом, который был незнаком Марквеллу. Он съедал окончания некоторых слов и его произношение имело гортанный характер, это было едва заметно.

Незнакомец сел на край кровати и положил руку на телефонный аппарат.

– Какой номер окружной больницы? Марквелл моргнул.

– Зачем?

– Черт возьми, я спрашиваю тебя номер. Если ты не скажешь его мне, я не буду рыться в телефонном справочнике, я выбью его из тебя.

Марквелл покорился и назвал номер.

– Кто сегодня дежурит?

– Доктор Карлсон. Херб Карлсон.

– Он хороший человек?

– Что вы имеете в виду?

– Он лучший доктор, чем ты? Или такой же пьяница?

– Я не пьяница. Я...

– Ты безответственный и жалкий алкоголик и сам это знаешь. Отвечай на мой вопрос, док. Карлсон – надежный человек?

Марквелл почувствовал неожиданный приступ тошноты, вызванной не только большой дозой скотча но и правдивостью слов незнакомца.

– Да. Херб Карлсон хороший врач. Очень хороший.

– Кто сегодня дежурная сестра? Марквелл задумался на минуту.

– Я думаю, Элла Ханлоу. Но я не уверен. Если не Элла, то, значит, Вирджиния Кин. Незнакомец позвонил в окружной госпиталь и сказал, что звонит по поручению доктора Пола Марквелла. Он спросил Эллу Ханлоу.

Порыв ветра обрушился на дом. Звон стекол и свист под навесом крыши напомнили Марквеллу о буре. Посмотрев на падающий в окне снег, он почувствовал неуверенность во всем происходящем. Ночь была так перенасыщена событиями – молния, появление незнакомца, – что казалась нереальной. Он натянул веревки, которые привязывали его к стулу, конечно, они были лишь частью его пьяных галлюцинаций и растают, как газ, но они крепко держали его, а эти тщетные усилия лишь вызвали головокружение.

Незнакомец говорил по телефону:

– Сестра Ханлоу? Доктор Марквелл не сможет приехать в больницу сегодня. У одной из его пациенток, Джэнет Шан, тяжелые роды? Хм-м-м? Да, конечно. Он хочет, чтобы доктор Карлсон принял роды. Нет, нет, боюсь, он не сможет. Нет, не погода. Он пьян. Это так. Он опасен для пациентки. Нет... он так пьян, что не может подойти к телефону. Простите. Он пьет уже давно и скрывает это, но сегодня он напился сильнее обычного. Хм-м-м? Я сосед. О'кэй. Спасибо, сестра Ханлоу. До свидания.

Марквелл чувствовал раздражение наряду с удивительным облегчением от того, что его секрет был раскрыт.

– Ублюдок, ты уничтожил меня.

– Нет, доктор. Ты сам себя уничтожил. Самоненависть уничтожает твою карьеру. Это заставило и твою жену покинуть тебя. Твоя женитьба была в опасности, но все можно было спасти, если бы Ленни был жив, ее можно было спасти и после его смерти, если бы ты так не опустился.

Марквелл был удивлен.

– Откуда тебе, черт возьми, знать, что было между мной и Анной? Откуда ты знаешь о Ленни? Я никогда не видел тебя раньше. Откуда тебе все известно обо мне?

Игнорируя вопросы, незнакомец бросил две подушки к изголовью кровати. Он залез на кровать в своих мокрых и грязных ботинках и вытянулся.

– Не имеет значения, что ты об этом думаешь, но потеря сына не была твоей ошибкой. Ты всего лишь врач, а не средневековый колдун. Но потеря Анны была твоей ошибкой. И то, кем ты стал, а ты стал опасным для своих пациентов, было твоей ошибкой.

Марквелл устремил взгляд вдаль, потом вздохнул и опустил подбородок на грудь.

– Знаешь, в чем твоя беда, доктор?

– Предполагаю, что ты скажешь мне.

– Твоя беда в том, что ты никогда ни за что не боролся, никогда не знал, что такое несчастье. Твой отец был обеспеченным человеком, и ты получал все, что хотел, ты учился и лучших заведениях. И хотя у тебя была успешная практика, ты никогда не нуждался в деньгах – ты получил наследство. Полу когда Ленни заболел полиомиелитом, ты не пиал, как справиться с этим несчастьем, потому что никогда не встречался с ним. Ты ничего не знал о прививках и впал в отчаяние.

Поднимая голову и моргая, пока зрение не обострилось, Марквелл сказал:

– Я не мог предположить этого.

– Претерпев все эти страдания, ты кое-что узнал, Марквелл, и если бы ты отрезвел еще давно, то мог бы встать на правильный путь. Даже сейчас у тебя есть слабый шанс исправиться.

– Может быть, я не хочу исправляться?

– Боюсь, что это может быть правдой. Я думаю, что ты боишься умирать, но я не знаю, хватит ли у тебя сил продолжить жить.

Дыхание доктора пахло проглоченной мятной таблеткой и виски. Во рту пересохло, язык распух. Ему очень хотелось выпить.

С замершим сердцем он попробовал веревки, стягивающие его руки. В конце концов, раздражаясь на себя за жалостливые нотки в голосе, но не в силах сдержать свое достоинство, он спросил:

– Что вы хотите от меня?

– Я хочу предотвратить твою сегодняшнюю поездку в больницу. Я хочу быть уверенным, что ты не принимаешь роды у Джэнет Шан. Ты стал мясником, потенциальным убийцей, и ты должен быть остановлен.

Марквелл облизал сухие губы. – Я все еще не знаю, кто вы.

– И никогда не узнаешь, доктор. Никогда.

Боб Шан никогда не был так напуган. Он сдержал слезы, так как верил в суеверное чувство, что открытое высказывание страха соблазнит судьбу и сделает неотвратимой смерть Джэнет и ребенка.

Он нагнулся вперед, сидя на стуле, наклонил голову и молча начал молиться: «Господи, Джэнет заслуживает большего, чем я. Она такая красивая, а я такой невзрачный, как поношенный плед. Я всего лишь бакалейщик, чья лавка никогда не будет приносить большой прибыли, а она любит меня. Господи, она хорошая, честная, скромная... Она не заслуживает смерти. Может быть, ты хочешь взять ее, потому что она слишком хороша для рая. Но я еще не готов, мне нужна ее помощь, чтобы стать достойным человеком».

Дверь в комнату открылась.

Боб поднял глаза.

Доктор Карлсон и Ямата в зеленых больничных халатах вошли в комнату. Их появление напугало Боба, и он медленно поднялся со стула.

Глаза Яматы были печальнее, чем обычно.

Доктор Карлсон был высоким крупным мужчиной, который достойно выглядел даже в своем мешковатом больничном халате.

– Мистер Шан... мне очень жаль, но ваша жена умерла при родах.

Боб замер, как будто эти ужасные новости превратили его плоть в камень. Он слышал лишь часть того, что сказал Карлсон:

– ...обширное маточное закупоривание... ни одна из таких женщин в действительности не могла бы иметь детей. Она не должна была забеременеть. Мне очень жаль... очень жаль... все, что мы могли... обширное кровоизлияние... но ребенок...

Слово «ребенок» нарушило паралич Боба. Он сделал неуверенный шаг к Карлсону.

– Что вы сказали о ребенке?

– Это девочка, – сказал Карлсон. – Здоровая маленькая девочка.

Боб думал, что все потеряно. Теперь он уставился на Карлсона в надежде, что частица Джэнет не умерла и он не остался совсем один в целом мире.

– Действительно? Девочка?

– Да, – сказал Карлсон. – Она исключительно красивый ребенок. Она родилась уже с пышными темно-коричневыми волосами.

Глядя на Ямату, Боб сказал:

– Мой ребенок жив.

– Да, – сказал Ямата. На его лице промелькнула горькая улыбка. – И вы должны поблагодарить док-гора Карлсона. Боюсь, у миссис Шан не было ни единого шанса. В менее опытных руках ребенок мог бы тоже погибнуть.

Боб повернулся к Карлсону, все еще боясь поверить.

Ребенок жив... и на это я должен поблагодарить вас?

Врач стоял и неловком молчании. Потом Ямата положил одну руку на плечо Боба Шана, наверно, почувствовав, что это поддержит его.

Хотя Боб был на пять дюймов выше и на сорок фунтов тяжелее миниатюрного доктора, он оперся на Ямату.

Незнакомец оставался с Марквеллом в течение еще одного часа, хотя не сказал больше ни одного слова и не ответил ни на один из вопросов Марквелла. Тот лежал на кровати, уставившись в потолок и погружившись в свои мысли.

По мере того как доктор трезвел, его начинала мучить нудная головная боль. Как обычно, его похмелье было тяжелее самой причины, по которой он пил.

Незнакомец посмотрел на свои наручные часы.

– 23.30. Я ухожу.

Он встал с кровати, подошел к стулу и снова достал нож из-под полы своего бушлата. Марквелл напрягся.

– Я собираюсь лишь немного ослабить веревки, доктор. Если ты поборешься с ними с полчаса, то сможешь освободиться. Этого времени будет достаточно для меня, чтобы смыться.

Когда незнакомец подошел сзади и нагнулся, Марквелл ожидал почувствовать острие ножа между ребер. Но меньше чем через минуту незнакомец убрал нож и подошел к двери спальни.

– У тебя есть шанс исправиться, доктор. Я думаю, что ты слишком слабовольный для этого, но я надеюсь, что ошибаюсь.

Он ушел.

За десять минут, что Марквелл боролся за свое освобождение, он слышал посторонние шумы внизу. Очевидно, незнакомец искал ценности. Хотя он и казался таинственным, возможно, он был всего лишь грабителем с необычными методами своей работы.

Марквеллу удалось полностью освободиться лишь к 24.25. Его запястья были частично повреждены и кровоточили.

Хотя он не слышал никаких звуков снизу уже с полчаса, он взял свой пистолет из тумбочки и осторожно начал спускаться вниз. Он прошел в свой приемный кабинет, где ожидал обнаружить пропажу наркотиков, но ни один из двух белых шкафчиков не был тронут.

Он заторопился в кабинет, уверенный, что непрочный стенной сейф был вскрыт. Сейф не был взломан.

Сбитый с толку, он повернулся и увидел опустошенные бутылки из-под виски, джина и водки. Незнакомец вылил в раковину даже недопитую бутылку с ликером.

К зеркалу была прикреплена записка. Незнакомец написал ее небольшими печатными буквами.

ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРЕКРАТИШЬ ПИТЬ, ЕСЛИ ТЫ НЕ СМИРИШЬСЯ СО СМЕРТЬЮ ЛЕННИ, Я СУНУ ПИСТОЛЕТ В ТВОИ РОТ И ВЫПУЩУ МОЗГИ. ЭТО НЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЭТО ФАКТ.

Держа в руках записку и пистолет, Марквелл осмотрел пустую комнату, как будто незнакомец был все еще здесь. Как будто он был невидимым приведением, которое по желанию могло стать видимым. – Кто ты? – требовательно спросил он. – Кто ты, черт тебя возьми?

Ему ответил лишь вой ветра за окном, чей громкий стон не мог ему помочь в его вопросе.

В 11 часов следующего утра, после ранней встречи с хозяином похоронного бюро, Боб Шан вернулся в окружную больницу, чтобы посмотреть на свою новорожденную дочь. После того как он облачился в стерильный халат, надел шапочку и хирургическую маску, после того как он тщательно вымыл руки под присмотром сестры, его впустили в палату, где он осторожно поднял Лауру из колыбели.

В палате было еще девять новорожденных. Все они были милые так или иначе, но Боб не мог поверить, что кто-то мог быть милее его Лауры. Хотя в обычном представлении ангелы имели голубые глаза и светлые волосы, а у Лауры были карие глаза и коричневые волосы, ее внешность была не менее ангельской. За те десять минут, которые он держал ее, она не плакала: она моргала, морщилась, вращала глазами и попала. Она выглядела печальной, как будто знала что у нее нет матери, и что они с отцом остались одни в этом холодном и сложном мире.

Смотровое окно, через которое родители могли увидеть новорожденных, вытянулось во всю стену. Пятеро человек собрались за стеклом. Четверо из них улыбались, показывали пальцами и корчили смешные рожицы своим детям.

Пятый был блондин в морском бушлате, который стоял, сунув руки в карманы. Он не улыбался, не тыкал пальцем и не строил рожицы. Он смотрел на Лауру.

После пяти минут, в течение которых незнакомец не отвел взгляда от Лауры, Боб заволновался. Парень выглядел обычным и добродушным, но кроме твердости в его лице было еще что-то такое, что заставило Боба подумать, что это был человек, который видел и делал ужасные вещи.

Он вспомнил несколько сенсационных историй о похищениях детей, которые потом продавались на черном рынке. Он сказал себе, что он сумасшедший, который выдумывает опасность там, где она не существует, потому что, потеряв Джэнет, теперь он не хотел потерять свою дочь. Но чем дольше незнакомец смотрел на Лауру, тем больше беспокоился Боб.

Словно почувствовав это беспокойство, незнакомец поднял глаза. Они смотрели друг на друга. Взгляд голубых глаз незнакомца был таким светлым и ревностным, что страх у Боба усилился. Он прижал к себе дочь, как будто незнакомец мог разбить стекло и выхватить ее у него из рук. Он решил позвать одну из медсестер и попросить ее поговорить с незнакомцем и навести кое-какие справки о нем.

Незнакомец улыбнулся. Эта широкая и теплая улыбка изменила его лицо. В одно мгновение он стал выглядеть дружелюбно. Он подмигнул Бобу и ртом произнес единственное слово через тонкое стекло:

– Красавица.

Боб расслабился и улыбнулся, но, поняв, что его улыбка не видна из-за хирургической маски, он благодарно кивнул.

Незнакомец снова посмотрел на Лауру, снова подмигнул Бобу и отошел от окна.

Позже, когда Боб Шан отправился домой, высокий мужчина в темной одежде подошел к смотровому стеклу. Его звали Кокошка. Он осмотрел младенца; потом его взгляд переместился и он увидел свое отражение на отполированном стекле. У него было широкое, плоское лицо с резкими чертами, губы были тонкими и жесткими. Двухдюймовый шрам пересекал его

левую щеку. Его темные глаза не были глубокими, а казались нарисованными керамическими сферами, они были похожи на холодные глаза акулы, рыщущей в темных глубинах океана. Он был удивлен, как резко контрастировало его лицо с невинным видением младенцев, лежащих за окном; он улыбнулся, что было очень редко, но его улыбка не только сделала более теплым выражение его лица, но сделала его еще больше угрожающим.

Он снова посмотрел сквозь свое отражение. Ему было не трудно обнаружить Лауру Шан среди остальных младенцев потому, что имена детей были написаны на карточках, приделанных к спинкам кроватей.

– Почему к тебе проявляют такой интерес, Лаура? – удивился он. – Почему твоя жизнь так важна? Зачем затрачена вся эта энергия, для того чтобы лишь увидеть, что ты безопасно появилась на свет? Должен ли я убить тебя сейчас и положить конец предательскому плану?

Он мог бы ее убить без угрызений совести. Он убивал детей раньше, хотя не таких маленьких, как она. Ни одно преступление не было так ужасно, если оно служило делу, которому он посвятил свою жизнь.

Малышка спала. Ее губы шевелились, а печальное лицо временами морщилось, как будто ее сон был печальным.

Наконец он решил не убивать ее. Пока.

– Я всегда смогу уничтожить тебя позже, малышка, – пробормотал он. – Когда я узнаю, какую роль ты играешь в предательском плане, тогда я убью тебя.

Кокошка отошел от окна. Он знал, что не увидит больше девочку на протяжении восьми лет.

ГЛАВА 2

В Южной Калифорнии дождь редко лил весной, летом или осенью. Настоящие дождливые сезоны обычно начинались в декабре и конце марта. Но в субботу, 2 апреля 1963 года, небо было затянуто тучами и воздух был очень влажным. Раскрыв передние двери бакалейной лавки в Саиба Ане, Боб Шан решил, что настало время для хорошего последнего ливня сезона.

Фигусовые деревья во дворе дома через улицу и пальма на углу дома были неподвижны в спокойном воздухе и казались унылыми в ожидании надвигающегося шторма.

Боб убавил звук радио. «Бич Бойз» пели свой новый хит «Серфинг в США». Принимая во внимание погоду, слова песни были также неуместны, как рождественская песня в июле.

Боб посмотрел на часы: 15.15.

– К 15.30 будет дождь, – подумал он, – сильный дождь.

Дела хорошо продвигались утром, но после полудня они продвигались медленно. В этот момент в лавке не было ни одного посетителя.

Фамильная бакалейная лавка стояла напротив целого ряда конкурирующих лавок. Он планировал изменить стиль работы, предлагая покупателям большой ассортимент свежих продуктов, но оттягивал эти перемены, требующие больших затрат времени и сил.

Если шторм все же разразится, то до конца дня лавку посетят немногие покупатели. Он мог бы закрыться раньше и отвести Лауру в кино. Повернувшись от двери, он сказал:

– Лучше готовь лодку, дочка.

Лаура стояла в проходе на коленях возле кассового аппарата и была поглощена своей работой. Боб принес из кладовой четыре коробки консервированного супа, которые Лаура расставляла по полкам. Ей было всего восемь лет, но она была трудолюбивым ребенком и любила помогать отцу. Поставив цену на каждой банке, она ставила их на полки, помня правила торговли и ставя свежий суп позади старого.

Она подняла недоумевающий взгляд:

– Лодку? Какую лодку?

– На втором этаже. Лодка лежит в чулане. Судя по облакам, она нам понадобится сегодня.

– Глупо, – сказала она, – у нас нет никакой лодки в чулане.

Он прошел за прилавок.

– Прекрасная маленькая синяя лодка.

– Да? В чулане? В каком чулане?

Он начал расфасовывать по пластиковым пакетам свежее печенье.

– В чулане, который в библиотеке, конечно.

– У нас нет библиотеки.

– Нет? О! Значит, как ты это заметила, лодки нет в библиотеке. Она в чулане комнаты жабы.

Лаура хихикнула:

– Какой жабы?

– Ты хочешь сказать мне, что не знаешь о жабе? Усмехаясь, она покачала головой.

– С сегодняшнего дня мы сдаем комнату прекрасной жабе из Англии. Эта великосветская жаба приехала сюда по королевским делам.

В апрельском небе вспыхнула молния и прогремел гром. Статический разряд на мгновение прервал песню «Каскадс» «Ритм дождя».

Лаура не обратила внимания на шторм. Она не боялась таких вещей, которые пугали многих детей. Она была такой самоуверенной и самостоятельной, что временами казалась старой женщиной, маскирующейся под девочку.

– Как королева могла поручить жабе свои дела?

– Жабы прекрасные бизнесмены, – сказал Боб, пробуя печенье. Со времени смерти Джэнет и переезда в Калифорнию, он набрал еще пятьдесят фунтов веса. Он никогда не был красивым мужчиной. В свои тридцать восемь лет он приобрел брюшко и потерял надежду на внимание женщин. В жизни он тоже не был особенно удачлив; никто не мог разбогатеть, владея маленькой бакалейной лавкой. Но это его не беспокоило. У него была Лаура, и он был хорошим отцом. Она любила его всем сердцем, также, как он ее, все остальное в мире не имело для него большого значения.

Да жабы прекрасные бизнесмены. Семья этой жабы служит короне уже сотни лет. В действительности это не жаба, а заколдованный рыцарь. Сэр Томми Тод.

Молния сверкнула еще ярче. Гром прогремел громче.

Закончив расставлять консервированный суп, Лаура поднялась с колен и вытерла руки о белый передник, который она носила поверх рубашки с короткими рукавами и джинсов. Она была красивой; с густыми коричневыми волосами и большими карими глазами, она имела больше, чем простое сходство со своей матерью.

– И сколько же сэр Томми Тод платит за комнату?

– Шесть пенсов в неделю.

– Он в комнате, которая по соседству с моей?

– Да, в той комнате, в чулане которой лежит лодка.

Она захихикала снова:

– Что ж, тогда ему лучше не храпеть.

– Он сказал то же самое о тебе.

Помятый старый «бьюик» остановился перед лавкой; когда водительская дверь открылась, небо разверзлось от третьего раската грома. Улица заполнилась светом молнии, осветившем припаркованный «бьюик» и проезжающие мимо автомобили. Аккомпанирующий гром потряс дом с крыши до фундамента, как будто шторм разверз не только небеса, но и землю, вызвав землетрясение:

– Ух ты! – сказала Лаура, бесстрашно подойдя к окну.

Хотя не упала еще ни одна капля дождя, ветер неожиданно налетел с запада, гоня перед собой листья и мусор.

Человек, вышедший из синего «бьюика», в удивлении смотрел на небо.

Вспышка за вспышкой молния рассекала облака, обжигая воздух, отражаясь в окнах и хромированной поверхности автомобиля, и с каждой вспышкой гремел гром, словно огромный кулак Бога опускался на землю.

Молния всколыхнула воспоминания Боба. Тогда он позвал Лауру:

– Милая, отойди от окна.

Она прошла за прилавок и дала ему себя обнять, возможно, больше для его успокоения, чем для своего.

Человек, вышедший из «бьюика», заторопился в лавку. Глядя на сверкающее небо, он сказал:

– Вы видели это? Ух!

Гром стих, воцарилась тишина.

Начался дождь. Большие первые капли ударили в окно, затем в одно мгновение пелена дождя скрыла весь внешний мир за пределами маленького магазина.

Посетитель обернулся и улыбнулся.

– Какое зрелище, а?

Боб хотел было ответить, но при более внимательном взгляде на посетителя почувствовал опасность, как олень, должно быть, чувствует приближающегося волка. На парне были потертые рабочие ботинки, грязные джинсы и поношенная ветровка, из под которой торчала белая рубашка. У него были длинные жирные волосы и небритая щетина. Красные глаза были воспалены. Подойдя к прилавку, он вытащил из ветровки револьвер.

– Давай все, что есть в кассе, задница.

– Конечно.

– Быстрее.

– Только спокойно.

Грабитель облизал свои бледные потрескавшиеся губы.

– Не вздумай шутить, задница.

– О'кэй, о'кэй, конечно. Я отдам все, – сказал Боб, толкая одной рукой Лауру за свою спину.

– Оставь девчонку так, чтобы я мог ее видеть!

Я хочу видеть ее. Давай, мать твою, вытаскивай ее из-за спины!

– О'кэй, только успокойся.

Лицо парня растянулось в мертвой улыбке, его тело заметно содрогалось.

– Вот так, чтобы я ее видел. И не тянись ни к чему кроме кассы, не трогай револьвер или я снесу твою вонючую башку.

– У меня нет оружия, – заверил его Боб. Он взглянул на забрызганное дождем окно, надеясь, что другие покупатели не придут, пока не уберется этот грабитель. Этот идиот мог бы пристрелить каждого, кто войдет в эти двери.

Лаура попыталась спрятаться за отца, но грабитель сказал:

– Эй не двигайся! Боб сказал:

– Ей всего восемь лет...

– Она сука, они все долбаные суки, что большие, что маленькие.

Его пронзительный голос быстро надломился. Он выглядел напуганным больше, чем Боб, и этого Боб боялся больше всего.

Хотя его внимание было полностью привлечено грабителем и револьвером, Боб расслышал по радио мелодию Скитер Дэвис «Конец света», которая звучала для него пророчески.

Под дулом револьвера грабителя Боб страстно желал, чтобы мелодия не стала предзнаменованием их с Лаурой смерти.

– Вот деньги, это все, бери их.

Собрав с прилавка деньги и сунув их в карман грязной ветровки, грабитель сказал:

– У тебя есть кладовка?

– Зачем?

Одной рукой грабитель зло смел упаковки с печеньем и жевательной резинкой с прилавка на пол. Он протянул револьвер к Бобу.

– У тебя есть кладовка, задница, я знаю, что есть. Идем туда.

Во рту Боба неожиданно пересохло.

– Послушай, бери деньги и уходи. Ты получил что хотел. Уходи, пожалуйста.

Усмехаясь, более самоуверенно теперь, когда у него были деньги, приободренный страхом Боба, но все еще дрожа, грабитель сказал:

– Не беспокойся, я не собираюсь никого убивать. Я любовник, а не убийца. Все, чего я хочу, это только маленькую сучку, потом я уйду.

Боб проклинал себя за то, что не имел оружия. Лаура прильнула к нему, она верила в него, а он ничего не мог сделать, чтобы ее спасти. По дороге в кладовку он мог бы броситься на грабителя и попытаться выхватить револьвер. Но он был слишком неповоротлив. Не умея двигаться быстро, он был бы тут же застрелен и остался бы умирать на полу, пока этот грязный ублюдок насилует бы его дочь в кладовке.

– Шевелись, – крикнул грабитель. – Быстрее!

Раздался выстрел. Лаура закричала, и Боб прижал ее к себе, заслоняя ее, но застреленным оказался не кто иной, как грабитель. Пуля угодила ему в висок, разmozжив череп, и он рухнул на пачки с печеньем и жевательной резинкой, которые он смел с прилавка на пол. Он умер так мгновенно, что даже не успел инстинктивно нажать на курок своего револьвера.

В недоумении Боб посмотрел направо и увидел высокого блондина с пистолетом в руке. Очевидно, он вошел в магазин через заднюю дверь и тихо прокрался в лавку. Войдя в бакалейную лавку, он без предупреждения пристрелил грабителя. Когда он смотрел на мертвое тело, его взгляд был такой спокойный и лишенный всяческих эмоций, как будто он был опытным экзекутором.

– Спасибо Богу, – сказал Боб, – и полиции.

– Я не из полиции.

На парне были серые брюки, белая рубашка и темно-красная куртка, из-под которой была видна подплечная кобура.

Боб растерялся, думая о том, что не был ли их спаситель просто другим вором, которому помешал мертвый теперь грабитель.

Незнакомец поднял глаза от трупа. Взгляд его голубых глаз был прямым и волевым.

Боб был уверен, что видел этого парня раньше, но не мог вспомнить, где и когда.

Незнакомец пересек комнату, обойдя стороной труп, и запер переднюю дверь на засов. Он опустил шторы. Беспокойно взглянув на большие окна, по которым стекал бесконечный дождевой поток, он сказал:

– Как я понимаю, их закрыть нельзя. Нам остается надеяться, что никто не станет в них заглядывать.

– Что вы собираетесь с нами делать?

– Я? Ничего. Я не похож на этого ублюдка. Мне ничего не надо от вас. Я закрыл дверь для того, чтобы сочинить историю, которую вы расскажете полиции. Мы должны сочинить ее раньше, чем кто-то войдет сюда и увидит тело.

– Зачем нам сочинять что-то?

Наклонившись над трупом, незнакомец достал ключи от машины и деньги из кармана пропитанной кровью ветровки. Выпрямившись, он сказал:

– О'кэй, тогда вам придется рассказать о двух вооруженных грабителях. Один хотел Лауру, а другого тошнило от мысли об изнасиловании маленькой девочки, и он решил этому помешать. Они поспорили, второй пристрелил этого ублюдка и скрылся с деньгами. Вы сможете это повторить?

Бобу с трудом верилось, что они с Лаурой спасены. Одной рукой он прижимал дочь к себе.

– Я... Я не понимаю. Ведь вы не были с нами. У вас не должно быть неприятностей из-за этого убийства – в конце концов ведь он хотел убить нас. Почему же нам не рассказать правду?

Шагнув к прилавку и вернув деньги Бобу, незнакомец спросил:

– Ну и как же выглядит правда?

– Ну... вы случайно оказались поблизости и увидели ограбление.

– Я оказался здесь вовсе не случайно, Боб. Я следил за тобой и Лаурой.

Сунув пистолет в кобуру, незнакомец посмотрел на Лауру. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами. Он улыбнулся и прошептал:

– Я твой ангел-спаситель.

Не веря в ангелов-спасителей, Боб сказал:

– Следили за нами? Откуда, сколько, зачем?

С настойчивостью в голосе и с неопределенным акцентом, который Боб слышал впервые, незнакомец сказал:

– Я не могу сказать тебе этого.– Он посмотрел на залитые дождем окна.– Я не могу быть допрошен полицией. Поэтому тебе придется рассказать им выдуманную историю.

Боб сказал:

– Откуда я могу знать вас?

– Ты не знаешь меня.

– Но я уверен, что видел вас раньше.

– Ты не видел меня. Тебе не нужно много знать. А теперь, во имя Господа, спрячь эти деньги и оставь кассу пустой, это будет выглядеть странно, если второй грабитель ушел без того, зачем пришел. Я возьму его «бьюик» и брошу через несколько кварталов, так что можешь дать полиции его описание. Дай им и мое описание. Это не будет играть никакой роли.

На улице прогремел гром, но он уже был тихий и отдаленный, непохожий на тот, с которого начиналась буря.

Воздух пропитался влагой, острый запах крови смешался с вонью мочи. Облокотившись о прилавок и продолжая прижимать к себе Лауру, Боб сказал:

– Почему я не могу сказать им, как вы вмешались в ограбление, застрелили этого типа и, не желая огласки, скрылись?

Незнакомец нетерпеливо повысил голос:

– Вооруженный парень случайно оказался поблизости от ограбления и решил стать героем? Полицейские не поверят в эту дурацкую историю.

– Но ведь так все и произошло.

– Но они не купятся на это! Послушай, они могут начать думать, что это ты пристрелил грабителя. Так как ты не имеешь оружия, во всяком случае официально, они начнут подозревать тебя в нелегальном ношении оружия, но, во всяком случае, никак не поверят в рассказ об Одинокое Рейнджере, который спас твою задницу.

– Я уважаемый бизнесмен с хорошей репутацией.

Глаза незнакомца стали печальными.

– Боб, ты прекрасный человек... Но временами ты становишься немного наивным.

– Что вы...

Незнакомец поднял руку, заставляя его замолчать.

– В такого рода делах репутация человека никогда не значит так много, как это должно быть. Большинство людей имеют доброе сердце, и они хотят приносить пользу другим, но ядовитое меньшинство желает видеть остальных раздавленными и униженными.

Его голос снизился до шепота, и хотя он продолжал смотреть на Боба, казалось, он смотрел в другие места, на других людей.

– Зависть, Боб. Зависть сжирает их живьем. Если у тебя есть деньги, они завидуют тебе. Но если у тебя их нет, они завидуют тому, что у тебя есть хорошенькая, симпатичная, любящая дочка. Они завидуют тому, что ты счастливый человек. Они завидуют тому, что ты не завидуешь им. Одна из самых больших ошибок человеческого существования в том, что некоторые люди не находят счастья в самой жизни, а находят его в несчастьях других людей.

Некоторой своей наивности Боб не мог отрицать, он знал, что незнакомец говорил правду. Он вздрогнул.

После некоторого молчания незнакомец заговорил тем же настойчивым голосом:

– И когда полицейские решат, что ты лжешь об Одинокое Рейнджере, который спас вас, они начнут сомневаться в существовании самого факта попытки ограбления. Они могут решить, что ты знал грабителя, не поделил с ним что-то и решил свести счеты, запланировав убийство и представив все, как ограбление. Так думают полицейские, Боб. Если даже им не удастся повесить на тебя это преступление, они надолго испортят твою жизнь. Разве ты хочешь усложнить жизнь Лауры?

– Нет.

– Значит, сделай по-моему. Боб кивнул.

– Я сделаю так. Но кто ты, черт возьми?

– Это не имеет значения. К тому же у нас мало времени.– Он зашел за прилавок и нагнулся к Лауре.– Ты поняла, что я говорил твоему отцу? Если полиция спросит тебя, что случилось... – Вы были с этим человеком, – сказала она, показывая в сторону трупа.

– Так будет правильно.

– Вы были его другом, – сказала она, – но потом вы начали спорить обо мне, хотя я не уверена, почему, ведь я ничего не делала.

– Это не имеет значения почему, дорогая, – сказал незнакомец.

Лаура кивнула.

– Потом вы застрелили его и убежали со всеми деньгами, а я была очень напугана.

Незнакомец посмотрел на Боба.

– И ей всего восемь лет?

– Она очень смышленная девочка.

– Но все-таки будет лучше, если полицейские не будут много допрашивать ее.

– Я им не позволю.

– Если они будут это делать, – сказала Лаура, – я заплачу и буду плакать, пока они не прекратят.

Незнакомец улыбнулся. Он смотрел на Лауру с такой любовью, что Бобу стало не по себе. Он вовсе не был похож на того подонка, который хотел затащить ее в кладовую; выражение его лица было ласковым и любящим. Он дотронулся до ее щеки. К удивлению, в его глазах заблестели слезы. Он заморгал и выпрямился.

– Боб, убери эти деньги. Помни, я убежал вместе с ними.

Боб понял, что по-прежнему держал в руке пачку банкнот. Он сунул их в карман брюк, и его свисающий передник закрыл выпуклость.

Незнакомец открыл дверь и поднял штору.

– Заботься о ней, Боб. Она очень необычная.

Потом он бросился под дождь, оставив дверь распахнутой, и нырнул в «бьюик». Колеса завизжали, и машина сорвалась с места.

Радио было включено все это время, но Боб услышал его теперь впервые после «Конца света», прежде чем грабитель был убит. Теперь Шелли Фабарес пела «Ангел Джонни».

Неожиданно он снова услышал дождь. Не просто отдаленный шум, а настоящий ливень, зло швыряющий потоки воды в стекла окон и грохочущий по крыше. Несмотря на врывающийся в двери ветер, запах крови и мочи стал гораздо сильнее, чем раньше. Выйдя из транса, вызванного ужасом, и вернувшись ко всем своим чувствам, он только сейчас осознал, как близка была Лаура к смерти. Он подхватил ее на руки, прижал к себе и, повторяя ее имя, гладил ее по голове. Он прижался лицом к ее шее, почувствовав свежесть ее кожи и пульсирующую артерию на горле, он благодарил Бога за то, что она была жива.

– Я люблю тебя, Лаура.

– Я тоже люблю тебя, папа. Я люблю тебя за сэра Томми Тода и за все остальное. Но нам нужно позвонить в полицию.

– Да, конечно, – сказал он, с неохотой опуская ее на пол.

На его глазах появились слезы. Его нервы были так взвинчены, что он не мог вспомнить, где был телефон.

Лаура уже сняла трубку и протянула ее отцу:

– Я могу сама позвонить им, папа. Номер написан здесь, на телефоне. Ты хочешь, чтобы я позвонила?

– Нет, я сам позвоню, дочка.

Моргая от слез, он взял из ее рук трубку и сел на старый деревянный стул, стоявший за кассовым аппаратом. Она положила руку ему на плечо, как будто знала, что он нуждается в этом.

Джэнет была эмоционально сильной женщиной. Но сила воли Лауры и ее самообладание были необычны для ее лет. Боб Шан не знал, откуда в ней это. Может быть, отсутствие матери сделало ее такой самостоятельной.

– Папа, – сказала Лаура, постучав пальцем по телефону, – нужно звонить в полицию, ты помнишь?

– Ах, да, – сказал он. Стараясь не обращать внимания на запах смерти, царивший в лавке, он набрал номер полицейского участка.

Кокошка сидел в машине напротив бакалейной лавки Боба Шана и задумчиво трогал свой шрам на щеке.

Дождь прекратился. Полиция уехала. Неоновые вывески магазинов и свет уличных фонарей освещали ночь, но шоссе оставалось темным, как будто его поверхность поглощала свет, вместо того чтобы отражать.

Кокошка приехал сюда одновременно со Стефаном, светловолосым и голубоглазым предателем. Он слышал выстрел, видел, как Стефан уехал на чужой машине, а потом смешался с толпой любопытных, когда приехала полиция. Он также в деталях знал, что случилось в лавке.

Он, конечно, знал и об истории Боба Шана, в которой Стефан выступал в качестве второго грабителя. Стефан не был их противником, а, напротив, являлся их спасителем. Лавочник без сомнения лгал, чтобы скрыть его истинное участие.

Лаура снова была спасена.

Но зачем?

Кокошка пытался представить себе, какую роль девочка могла играть в планах предателя, но ему это не удавалось. Он знал, что ничего не добьется и от самой девочки, потому что она была слишком мала, чтобы сказать что-нибудь полезное. Причина ее спасения была так же таинственна для нее, как и для Кокошки.

Он был уверен, что ее отец тоже ничего не знал. Стефана, очевидно, интересовала сама девочка, а не ее отец, потому Боб Шан не был посвящен в планы и цели Стефана.

Наконец Кокошка проехал несколько кварталов до ресторана, пообедал и вернулся к бакалейной лавке уже поздно ночью. Он припарковал машину в стороне от здания, в тени пальмы. В лавке было темно, но на втором этаже горел свет.

Из глубокого кармана своего плаща он достал револьвер. Это был кольт «Агент» 38-го калибра с укороченным стволом, но очень мощный. Кокошка любил хорошее оружие, и ему особенно нравилось держать его в руке; это была сама смерть, заключенная в сталь.

Кокошка мог, перерезав телефонные провода, тихо взломать дверь, убить девочку и ее отца и ускользнуть прежде, чем полиция слетится на выстрелы. Он чувствовал талант и влечение к подобного рода работе.

Но если он убьет их, не узнав, зачем убивает их, не поняв их роли в замыслах Стефана, то может позже обнаружить, что их уничтожение было его ошибкой. Он должен был узнать цель Стефана, прежде чем действовать.

С неохотой он сунул револьвер обратно в карман.

ГЛАВА 3

В безветренной ночи дождь прямо падал на город, как будто каждая капля имела чудовищный вес. Он шумно стучал по крыше и ветровому стеклу маленького черного автомобиля.

В час ночи, во вторник, поздним мартом, залитые дождевыми потоками улицы были пустынные, не считая военного патруля. Стефан выбрал не прямой путь до института для того, чтобы избежать полицейских постов, но он боялся и импровизированных постов на дорогах. Его документы были в порядке и разрешали свободное передвижение во время комендантского часа. Тем не менее, он предпочитал избегать проверок военной полиции. Он не мог допустить обыска машины из-за дипломата, лежащего на заднем сиденье, в котором были медные провода, детонаторы и пластиковая взрывчатка.

Из-за того что его дыхание затуманило ветровое стекло, из-за того что этой ночью на город обрушился дождь, из-за того что омывательные щетки изнашивались, а фары освещали лишь ограниченный участок дороги, он почти пропустил узкую, вымощенную булыжником улочку, которая вела к задворкам института. Он выругался и резко крутанул руль. «Седан» повернул, закрипев тормозами.

Он припарковал машину возле заднего входа, вышел из машины и взял дипломат с заднего сиденья. Институт помещался в сером четырехэтажном здании с тяжелыми решетками на окнах. Над этим зданием нависала угроза, хотя оно не было похоже на пристанище, где нашли место секреты, которые изменяют мир. На черных металлических дверях не было петель. Он нажал кнопку, услышал звонок внутри и стал нетерпеливо ждать ответа.

На нем были резиновые сапоги и дождевой плащ с поднятым воротником, но у него не было ни шляпы, ни капюшона. Холодный дождь падал на его голову и стекал по шее. Вздвигнув, он посмотрел на узкое окошечко, вделанное в стену рядом с дверью. Оно было шесть дюймов шириной, фут высотой, со стеклом, которое было зеркальным снаружи и прозрачным внутри.

Он терпеливо слушал дождь, стучащий по машине и брызгающий в стороны. Капли дождя шуршали по листьям платанов, окружавших здание.

За дверью загорелся свет. Это была яркая желтая полоска, падающая прямо на него.

Стефан улыбнулся в зеркальное смотровое окошко охраннику, которого он не мог видеть.

Свет погас, загремел засов, и дверь распахнулась внутрь. Он знал охранника: это был Виктор, крепкий пожилой мужчина пятидесяти лет с поседевшими серыми волосами и в очках со стальной оправой. Несмотря на впечатляющую фигуру, он был добрый, как курица-несушка. Он заботился о здоровье своих друзей и знакомых.

– Сэр, что вы делаете здесь в такой час и в такой дождь?

– Не спится.

– Ужасная погода. Входите! Вы можете простудиться.

– Меня беспокоит незавершенная работа, поэтому я решил приехать и доделать ее.

– Эта работа загонит вас в гроб, сэр. Это точно. Когда Стефан шагнул в дверь, и наблюдая, как охранник закрывает ее, он порылся в своей памяти, выуживая информацию о личной жизни Виктора.

– Глядя на тебя, я полагаю, что твоя жена все еще делает те невероятно вкусные блюда, о которых ты говорил мне.

Отвернувшись от двери, Виктор тихо рассмеялся, похлопав себя по животу.

– Клянусь, что ее нанял сам дьявол, чтобы ввести меня в грех ненасытной прожорливости. А этот дипломат, сэр? Вы возьмете его с собой?

Смахнув с лица капли дождя, Стефан сказал:

– Здесь данные исследования. Я брал их домой две недели назад, чтобы поработать по вечерам.

– У вас что, совсем нет личной жизни?

– На это у меня есть двадцать минут каждый второй понедельник месяца.

Виктор неодобрительно прищелкнул языком. Он подошел к столу, который занимал треть маленькой комнаты, снял трубку и позвонил другому ночному охраннику, который располагался в передней комнате главного входа института. Когда в институте появлялся кто-то после рабочего времени, один охранник всегда предупреждал другого, чтобы избежать ложных тревог и случайной стрельбы в невиновного посетителя.

Роняя капли на потертый ковер и нащупывая ключи в кармане дождевого плаща, Стефан подошел ко внутренней двери. Как и наружная, она была сделана из стали и без видимых петель. Кроме того, ее можно было открыть только двумя ключами сразу – один из них находился у ответственного работника, другой – у дежурного охранника. Работа, проводимая в институте, была такой необычной и секретной, что даже ночным охранникам не позволялось входить в лабораторию и рабочие комнаты.

Виктор положил трубку.

– Сколько вы будете работать, сэр?

– Пару часов. Кто-нибудь еще работает сейчас?

– Нет. Вы единственный мученик. И никто, честно говоря, не отдает должного мученикам, сэр. Клянусь, эта работа вгонит вас в гроб, и ради чего? Кого это беспокоит?

– Элиот писал: «Святые и мученики восстанут из могилы».

– Элиот? Он поэт или кто?

– Да, поэт.

– Святые и мученики восстанут из могилы? Я ничего не знаю об этом парне. Но это звучит не очень разумно, а скорее губительно. – Виктор тепло рассмеялся, очевидно, удивленный смешным известием, что его трудолюбивый приятель мог быть предателем.

Вместе они открыли внутреннюю дверь. Стефан поставил дипломат со взрывчаткой в коридоре, где включил свет.

– Если ночная работа войдет в вашу привычку, – сказал Виктор, – я буду приносить вам пироги своей жены, чтобы придать вам силы.

– Спасибо, Виктор, но я надеюсь, что это все-таки не станет привычкой.

Охранник закрыл металлическую дверь. Замок сработал автоматически. Оставшись один в коридоре, Стефан подумал, не в первый раз, что ему повезло с внешностью; блондин с волевым лицом и голубыми глазами. Его внешность частично объясняла, почему он мог беспрепятственно пронести в институт взрывчатку, не боясь быть обысканным. В нем ничего не было темного, тайного или подозрительного, он был идеальным и ангельским, когда улыбался, и его преданность стране никогда не ставилась под сомнение такими людьми, как Виктор, людьми, чье слепое послушание начальству и сентиментальный патриотизм мешали им открыто думать о многих вещах. О многих вещах.

Он поднялся на лифте на третий этаж и прямо направился в свой кабинет, где включил латунную гибкую лампу. Сняв резиновые сапоги и дождевой плащ, он достал из ящика стола толстую папку и разложил ее содержимое по столу, чтобы создать видимость работы. Если кому-то еще придет в голову поработать среди ночи, он должен сделать все, чтобы не вызвать подозрений.

Неся дипломат и фонарик, который он достал из кармана дождевого плаща, он поднялся по лестнице мимо четвертого этажа, над которым находился чердак. Свет фонарика осветил огромные балки с видневшимися то тут, то там забытыми гвоздями. Хотя чердак был устлан грубым деревянным полом, его не использовали для хранения и он был пуст, не считая толстого слоя серой пыли и паутины. Пространства до покрытой шифером крыши было достаточно, чтобы он мог стоять во весь рост в центре, хотя, работая ближе к карнизам, ему приходилось становиться на четвереньки.

Когда крыша находилась всего в нескольких дюймах над головой, настойчивый грохот дождя напоминал бесконечный свист снарядов над головой. Это сравнение пришло в голову потому, что он верил, что точно такие звуки будут неотвратимым роком для его города.

Он открыл дипломат. Работая со скоростью и уверенностью специалиста по разрушениям, он расположил кирпичики пластиковой взрывчатки, направляя всю мощность взрыва вверх и вниз. Взрыв должен не только сорвать крышу, но превратить в порошок средние этажи и заставить тяжелые опоры и балки крыши рухнуть вниз, в образовавшийся провал, чтобы вызвать еще большие разрушения. Он спрятал взрывчатку среди стропил и в углах чердака, даже поднял пару половых досок, оставив взрывчатку под ними.

Буря начинала стихать. Но скоро прокатился чудовищный раскат грома, и дождь захлестал с новой силой. Порывы ветра ревели над крышей и карнизами; его страшный рев, казалось, одновременно и угрожал городу и оплакивал его.

Ежась от холодного воздуха на чердаке, он продолжал свою работу дрожащими руками. Чувствуя холод, он обливался потом.

Он погрузил детонатор в каждый заряд и протянул провода от всех зарядов к северо-западному углу чердака. Свернув их в единый медный моток, он опустил моток в вентиляционный колодец, который проходил через все здание.

Заряды и провода были замаскированы, насколько это возможно, и их не заметил бы тот, кто открыл бы дверь чердака для поверхностного осмотра. Но при более внимательном осмотре или использовании чердака для хранения, провода и взрывчатка были бы безусловно замечены.

Ему нужно было двадцать четыре часа, чтобы никто не заходил на чердак. Это было не так уж сложно, так как он был единственным, кто залез на чердак за несколько месяцев.

Завтра ночью он придет со вторым дипломатом и установит взрывчатку в самом здании. Уничтожение здания одновременными взрывами сверху и снизу было единственным способом превратить все его содержимое в щепки, обломки и пыль. После взрыва и пожара не останется ничего от опасных исследований, которые проводились здесь.

Огромное количество взрывчатки повредит соседние с институтом здания, и он боялся, что многие невинные люди погибнут от взрыва. Но этих смертей нельзя было избежать. Он не

хотел использовать меньшее количество взрывчатки, так как каждая не уничтоженная папка с документами могла способствовать быстрому восстановлению проекта. И этот проект должен был быть уничтожен во имя человечества, которое могло погибнуть. Ну что ж, если погибнут невинные люди, это останется на его совести.

Через два часа, около четырех часов ночи, он закончил свою работу на чердаке.

Стефан вернулся в свой кабинет и сел за стол. Он не хотел уходить, пока его вспотевшая голова не высохнет и он не перестанет дрожать. Виктор мог заметить это.

Он закрыл глаза и представил лицо Лауры. Он всегда мог успокоить себя, подумав о ней. Один лишь факт ее существования умиротворял его и вселял мужество.

ГЛАВА 4

Друзья Боб Шана не хотели, чтобы Лаура присутствовала на похоронах своего отца. Они думали, что двенадцатилетнюю девочку нужно побережь от такого тяжелого испытания. Она все-таки настояла на своем, и, когда она так страстно желала попрощаться со своим отцом, никто не мог препятствовать ей.

Эта пятница, 24 июля 1967 года, была самым тяжелым днем в ее жизни, даже более печальным, чем предыдущий вторник, когда умер ее отец. Некоторый шок уже прошел, и Лаура не чувствовала больше онемения, она уже могла контролировать свои эмоции. Она начала осознавать, как много потеряла.

Она выбрала темно-синее платье потому, что черного у нее не было. Она надела черные туфли и темно-синие носки, которые доставляли ей беспокойство, так как она чувствовала себя в них ребенком, легкомысленным ребенком; она никогда не носила чулки и не считала хорошей идеей одеть их впервые на похороны отца. Она верила, что ее отец будет наблюдать за службой с небес, и ему хотелось, конечно бы, видеть ее такой как всегда. Если он увидит ее в чулках, которые будут означать то, что она выросла из детского возраста, он может быть смущен.

В погребальном бюро она сидела в первом ряду между Корой Ланс, которая владела прекрасным магазином неподалеку от бакалейной лавки Шана, и Анитой Пассадополис, которая вместе с Бобом работала в благотворительном обществе при церкви Эндрю Пресвитерлан. Обоим им было около пятидесяти, и они заботливо приглядывали за Лаурой.

Им не было нужды беспокоиться за нее. Она не будет плакать, не будет впадать в истерику и не будет рвать волосы на голове. Она понимала, что такое смерть. Каждому суждено было умереть. Умирали люди, собаки, коты, птицы и цветы. Даже древние красные деревья умирали рано или поздно, хотя они жили в двадцать-тридцать раз больше человека, который к тому же чувствовал себя не очень хорошо. С другой стороны, жить тысячу лет как дерево, было куда скучнее, чем счастливому человеку до сорока двух лет. Ее отцу было сорок два года, когда с ним случился этот сердечный приступ, такой ранний для его лет. Но таков был мир и плакать об этом было бесполезно. Лаура гордилась своей рассудительностью.

Кроме того, смерть не была окончательной кончиной человека. В действительности, смерть была только началом. За ней следовала другая и лучшая жизнь. Она знала, что это должно быть правдой, потому что так говорил ей отец, а ее отец никогда не лгал. Ее отец был самым правдивым, добрым и хорошим человеком.

Когда священник встал слева от гроба, Кора Ланс нагнулся к Лауре.

– Ты в порядке, дорогая?

– Да. В порядке, – сказала она, не взглянув на Кору. Она не хотела встречаться с чьим-нибудь взглядом и с большим интересом изучала окружающие неодушевленные предметы.

Это было первое похоронное бюро, в которое она вошла, и ей здесь не понравилось. Красный ковер был до нелепости толстым. Шторы и обивка стульев тоже были красными, с тонкими золотыми прожилками. Лампы отбрасывали кровавые тени, и все комнаты, казалось, были украшены дизайнером, который был явно помешан на всем красном, который был кумиром красного.

Кумир было новым словом для нее. Она использовала его очень часто, как делала всегда, когда узнавала новые слова, но применяла она их в подходящих случаях.

В прошлом месяце, когда она впервые услышала слово «конфисковать», она использовала его при каждой возможности, пока отец не начал дразнить ее разнообразными глупыми вариациями: «Эй, как мой маленький конфискатор чувствует себя сегодня?» Или: «Этот хрустящий картофель не очень расходуется, поэтому его надо конфисковать с первой полки». Ему нравилось смешить ее рассказами о сэре Томми Тоде, английской амфибии, которую он придумал, когда Лауре было восемь лет, и чью комичную биографию он рассказывал каждый день. Иногда ее отец казался ребенком больше, чем она сама, и она любила его за это.

Ее нижняя губа задрожала. Она жала ее. Сильно. Если она заплачет, то это поставит под сомнение то, что ее отец всегда говорил о загробной жизни, лучшей жизни. Своим плачем она может объявить его мертвым, мертвым раз и навсегда.

Ей сейчас так хотелось оказаться в комнатухе над бакалейной лавкой, лечь в постель и накрыться с головой одеялом. Эта мысль стала такой навязчивой, что она с трудом сидела в этих красных апартаментах.

Из похоронного бюро они отправились на кладбище.

На могилах не было надгробных камней. Участки были отмечены бронзовыми табличками на мраморных плитах, вдавленных в землю. Подстриженные зеленые газоны, затемненные огромными индийскими лавровыми деревьями и невысокими магнолиями, можно было принять за парк, где можно было играть, бегать и смеяться, если бы не открытая могила, возле которой лежал гроб с Бобом Шаном.

Прошлой ночью ее разбудили отдаленные раскаты грома, сквозь сон ей виделись вспышки молний, но если буря и была ночью на самом деле, то от нее не осталось и следа. Небо было голубым и безоблачным.

Лаура стояла между Корой и Анитой, которые прикасались к ней и бормотали увещевания, но ей не доставляло удовольствия ни то, что они делали, ни то, что говорили. Дрожь пронизывала ее после каждого слова молитвы священника, пока она не почувствовала себя словно стоящей раздетой среди арктической зимы, вместо тени дерева под жарким безветренным июльским утром.

Начальник похоронного бюро подал знак, и тело Боба Шана было опущено в землю.

Не имея сил смотреть на медленное опускание гроба и чувствуя трудности с дыханием, Лаура отвернулась, выскользнула из заботливых объятий благородных матрон и сделала несколько шагов по кладбищу. Она была холодна, как мрамор, ей хотелось выйти из тени. Она остановилась, как только достигла солнечного света, который приятно согрел ее, но не облегчил озноба.

Она смотрела на длинный невысокий холм примерно с минуту, прежде чем увидела мужчину, одиноко стоявшего в дальнем конце кладбища в тени огромных лавровых деревьев. На нем были светло-коричневые брюки и белая рубашка, которая делала человека похожим на приведение, скрывающееся в тени от удивительно для него солнца.

Он смотрел на Лауру и других участников похорон Боба Шана, стоявших у подножия холма. С такого расстояния Лаура не могла рассмотреть лицо, но это был высокий сильный блондин, в котором было что-то такое знакомое.

Этот посторонний наблюдатель заинтриговал ее, хотя она не знала, почему. Словно очарованная, она стала подниматься на холм, обходя могилы. Чем ближе она подходила к блон-

дину, тем более знакомым он казался. Сначала он никак не реагировал на ее приближение, но она знала, что он изучал ее; она чувствовала его тяжелый взгляд.

Кора и Анита звали ее, но она не обращала на них внимания. Охваченная необъяснимым возбуждением, она шла быстрее и была уже в сотне футов от незнакомца.

Он отступил в искусственный мрак среди деревьев.

Боясь, что он исчезнет раньше, чем она сможет разглядеть его, – еще не совсем уверенная, почему это было так важно для нее, – Лаура побежала. Подошвы ее новых черных туфель скользили, и несколько раз она почти упала. На месте, где он стоял, трава осталась примятой, значит, он не был приведением.

Лаура заметила какое-то движение среди деревьев, его промелькнувшую белую рубашку. Она поспешила за ним. Лишь редкая бледная трава росла под деревьями, куда не проникало солнце. Кроны деревьев образовывали крышу, и здесь царил мир теней. Она споткнулась и схватилась за ствол дерева, чтобы не потерять равновесия. Когда она подняла глаза, то увидела, что незнакомец исчез.

Ее окружали лишь множество деревьев, чьи ветви переплетались и пропускали узкие нити солнца. Она бросилась в этот мрак. Несколько раз ей казалось, что она видела его, но это ей лишь казалось, это была игра света и ее воображения. Когда поднимался ветерок, она была уверена, что слышала его крадущиеся шаги среди легкого шороха листьев, но когда она шла на эти звуки, их источник всегда ускользал от нее.

Через пару минут она вышла из деревьев на дорогу, которая вела к другой части разросшегося кладбища. Припаркованные на обочине машины сверкали под яркими лучами солнца. В сотне ярдов от них другая группа людей совершала службу над другой могилой.

Лаура стояла на краю дороги, тяжело дыша и удивляясь, куда исчез незнакомец в белой рубашке и почему она преследовала его.

Сверкающее солнце, дуновение легкого ветерка и гнетущая тишина кладбища заставили ее снова почувствовать себя беспокойно. Солнце, казалось, проходило сквозь нее, как будто она была прозрачна и невесома; она чувствовала себя словно во сне, ей казалось, что она парила над землей.

«Я сейчас потеряю сознание», – подумала Лаура.

Она облокотилась рукой о машину и сжала зубы, борясь за свое сознание.

Хотя ей было всего двенадцать лет, она редко думала и поступала как ребенок, она никогда не чувствовала себя ребенком до этого момента на кладбище, когда неожиданно почувствовали себя такой маленькой, слабой и беззащитной.

Рыже-коричневый «форд» медленно ехал по дороге и еще более замедлил движение, когда поровнялся с Лаурой. За рулем сидел человек в белой рубашке.

В тот момент когда она увидела его, она поняла, почему он казался ей таким знакомым. Ограбление. Ее ангел-спаситель. Хотя ей тогда было всего восемь лет, она никогда не забудет его лица.

Он почти остановил машину и рассматривал Лауру, медленно проезжая вперед. Их разделяло всего несколько футов.

Через открытое окно его машины каждая черточка его лица была ясно видна, как в тот ужасный день, когда она впервые увидела его в лавке. Его глаза были светло-голубые и приковывали взгляд, насколько она помнила. Когда их глаза встретились, она вздрогнула.

Он ничего не сказал, не улыбнулся, а внимательно разглядывал ее, как будто пытаясь зафиксировать в памяти каждую деталь ее внешности. Он смотрел на нее так, как, должно быть, смотрел на стакан воды человек, пересекающий пустыню. Его молчание и немигающий взгляд пугали Лауру, но вселяли в нее необъяснимое чувство безопасности.

Машина катилась мимо нее. Лаура закричала:

– Подождите!

Она оттолкнулась от машины, на которую облакачивалась, и бросилась к «форду». Незнакомец нажал на газ и помчался по дороге, оставив ее одну под этим ярким солнцем, пока мгновение спустя за ее спиной не раздался голос:

– Лаура?

Когда она обернулась, то сначала не увидела его. Он снова назвал ее имя, и она заметила его в пятнадцати футах, у края деревьев, стоявшего в багровой тени под лавровым деревом. На нем были черные брюки и черная рубашка, казавшиеся столь нелепыми в этот летний день.

Смущенная, ошеломленная и удивленная тем, что этот человек мог быть связан с ее ангелом-спасителем, Лаура зашагала к нему. Она была в нескольких шагах от незнакомца, когда осознала удивительную разницу между ним и ярким теплым летним днем. Это было вызвано не столько его черной одеждой, сколько его собственной темнотой; от него исходил какой-то холод, как будто он родился на северном полюсе или в пещере покрытых льдом гор. Она остановилась в пяти шагах от него. Незнакомец больше ничего не говорил, он внимательно смотрел на нее взглядом, который был более ошеломительным, чем все остальное.

Лаура разглядела шрам на его левой щеке.

– Почему ты? – спросил навевающий холод незнакомец и сделал шаг вперед, протянув руку.

Лаура отшатнулась назад, неожиданно испугавшись так, что закричала.

Откуда-то из зарослей деревьев раздался голос Кору Ланс:

– Лаура? С тобой все в порядке, Лаура? Незнакомец среагировал на приближающийся голос Кору, повернулся и удалился в чащу деревьев, его тело, облаченное во все черное, быстро растворилось в тени, как будто он не был реальным человеком, а лишь частицей мрака, ставшей живой на короткий отрезок времени.

Через пять дней после похорон, во вторник 29 июля, Лаура вернулась в свою комнату над бакалейной лавкой, впервые за неделю. Она собиралась и прощалась с местом, которое было ее домом, сколько она себя помнила.

Остановившись, чтобы отдохнуть, она села на край старой кровати, пытаясь вспомнить, как безопасно и счастливо она чувствовала себя в этой комнате всего несколько дней назад. Сотня книг, в основном содержащих историю о собаках и лошадях, стояли на полке в углу комнаты. Пятьдесят миниатюрных собачек и кошек из стекла, латуни, фарфора и олова заполняли полки над изголовьем ее кровати.

У нее не было любимцев среди этой выставки искусственных животных, украшавших комнату над бакалейной лавкой. Ей всегда хотелось иметь настоящую собаку или даже лошадь. Она мечтала стать ветеринаром, когда вырастет, чтобы лечить больных животных.

Ее отец говорил, что она может стать кем угодно: ветеринаром, адвокатом, кинозвездой, всем.

– Ты можешь стать ветеринаром или балериной. Ничто тебе не мешает.

Лаура улыбнулась, вспомнив как ее отец изображал балерину на сцене. Но она тут же вспомнила, что он исчез, оставив в ней пустоту.

Она освободила шкаф, аккуратно сложив свою одежду, и заполнила два чемодана. У нее еще был один дорожный чемодан, в который она упаковала свои любимые книги, несколько игр, плюшевого мишку.

Кора и Том Ланс провели инвентаризацию всего содержимого, оставшегося в маленьких апартаментах и бакалейной лавке. Лаура собиралась остаться с ними, хотя ей еще не было ясно до конца, было ли это временно или навсегда.

Взволнованная мыслями о своем неопределенном будущем, Лаура снова начала собираться. Она открыла ящик одной из тумбочек и замерла при виде миниатюрных башмачков,

крохотного зонтика и четырехдюймового шарфика, которые оставил здесь ее отец, как доказательство того, что сэр Томми Тод снимал у них комнату.

Он попросил одного из своих друзей, толкового скорняка, изготовить башмачки, которые были бы в пору только на лапы лягушки. Зонтик он купил в магазине, где продавались игрушки, а зеленый шарфик сделал сам из бахромы. В свой день рождения, когда ей исполнилось девять лет, она пришла из школы и увидела башмачки и зонтик, стоявшие у стены ее комнаты, шарф аккуратно висел на вешалке.

– Тс-с-с, – серьезно прошептал ее отец, – сэр Томми только что вернулся из путешествия в Эквадор, где находился по королевским делам. Ты знаешь, что у него там находятся алмазные рудники? Теперь он отдыхает. Я уверен, что он будет спать несколько дней. Как бы то ни было, он просил меня пожелать тебе счастливого дня рождения и передать, что подарок он оставил на заднем дворе.

Подарком оказался новый велосипед.

Теперь, глядя на эти миниатюрные вещи в ящике тумбочки, Лаура поняла, что ее отец умер не один. С ним исчез сэр Томми Тод и любимые другие герои, которых он создал. Умерли и те глупые, но прекрасные фантазии, которыми он всегда смешил ее. Маленькие башмачки, миниатюрный зонтик и шарфик были такими милыми и трогательными, что она могла действительно поверить в сэра Томми, который теперь ушел в свой лучший мир. Тихий и печальный стон вырвался из ее груди. Она упала на кровать и зарылась лицом в подушки, заглушая свои рыдания. В первый раз со времени смерти ее отца она дала выход своим страданиям.

Она не хотела жить без него, хотя она должна была не только жить, но и делать какие-то успехи, потому что каждый день ее жизни будет посвящен ему. Даже будучи такой маленькой, она понимала, что только это сохранит в ней какую-то частицу его жизни.

Но смотреть с оптимизмом в будущее и искать счастье было так тяжело. Теперь она знала, что жизнь была полна трагедий и перемен. Голубая и теплая в один момент, она становилась холодной и бурной в другой, поэтому никогда не знаешь, когда молния настигнет того, кого ты любишь. Ничто не вечно. Жизнь похожа на свечу на ветру. Это был тяжелый урок для девочки ее лет, и это заставляло ее чувствовать себя старой, очень старой, древней.

Когда теплые капли слез высохли, она быстро взяла себя в руки, так как не хотела, чтобы Лансы заметили, что она плакала. Если мир был такой жестокий и беспощадный, было бы глупо проявлять свою слабость.

Она осторожно завернула башмачки, зонтик и шарфик в оберточную бумагу и положила их в чемодан.

Когда она осмотрела содержимое обеих тумбочек, то нашла свернутый лист бумаги, на котором ясным, элегантным и почти машинописным почерком было написано послание для нее:

Дорогая Лаура.

Некоторые вещи должны произойти, и никто не сможет предотвратить их. Даже твой необыкновенный ангел-спаситель. Твой отец любил тебя всем сердцем, как любят лишь немногие. Сейчас ты думаешь, что никогда больше не будешь счастлива, но ты ошибаешься. Со временем счастье придет к тебе. Это не пустое обещание. Это факт.

Под запиской не было подписи, но она знала, кто мог ее написать: тот человек, который был на кладбище, кто спас несколько лет назад ее и отца от грабителя. Никто другой не мог назвать себя ее ангелом-спасителем. Мурашки пробежали по ее спине не потому, что она боялась, а потому, что необыкновенность и таинственность ее спасителя возбудили в ней любопытство.

Она заторопилась к окну спальни и отдернула шторы, уверенная, что увидит его стоящим на улице и смотрящим на лавку, но его там не было.

Человека в темной одежде тоже не было там, хотя она и не ожидала его увидеть. Она была наполовину уверена, что второй незнакомец не имел отношения к ее спасителю, что он был на кладбище по какой-то другой причине. Он знал ее имя... хотя, возможно, слышал, как Кора звала ее с холма. Она выкинула его из головы, потому что вовсе не хотела, чтобы он был частью ее жизни. Необыкновенного ангела-спасителя ей тоже не очень хотелось иметь.

Она прочла записку снова.

Хотя она не понимала, кто был этот блондин и почему он проявлял к ней такой интерес, Лаура поверила записке, которую он оставил. Понимание не бывает столь необходимо, пока веришь во что-то.

ГЛАВА 5

Следующей ночью, после того как он заложил взрывчатку на чердаке института, Стефан вернулся с тем же дипломатом, заявив, что у него снова бессонница. Ожидая этого ночного визита, Виктор принес один из пирогов своей жены.

Откусывая пирог, Стефан закладывал пластиковую взрывчатку. Первый этаж здания состоял из двух больших комнат, которые, в отличие от чердака, ежедневно использовались работниками. Он должен был расположить заряды и провода с большой осторожностью.

В первой комнате находились шкафы с исследовательскими документами и пара длинных дубовых рабочих столов. Шкафы с документами были высотой шесть футов и располагались вдоль двух стен. Он заложил взрывчатку на шкафу, приклеив ее к задней стенке так, чтобы ее не смог заметить самый высокий из работников.

Он протянул провода за шкафами, хотя ему пришлось просверлить маленькое отверстие между полками, чтобы соединить детонаторы. Отверстие он сделал в скрытом месте, и провода были видны лишь в узком пространстве в несколько дюймов.

Во второй комнате хранились инструменты и клетки со зверями – несколько кроликов, белых крыс, пара собак и одна очень энергичная обезьянка в клетке с тремя замками, – которые использовались для ранних экспериментов. Хотя эти животные больше не использовались, их содержали для наблюдений за действиями медицинских препаратов, которыми они были поражены.

Стефан заложил мощный заряд взрывчатки среди оборудования и вывел все провода к вентиляционной шахте, в которую он опустил провода из чердака. Работая, он чувствовал на себе необычные взгляды животных, как будто они чувствовали, что им осталось жить меньше суток. Его щеки вспыхнули от понимания своей вины, которую, как ни странно, он не чувствовал к людям, которые работали в институте и которые могли погибнуть; наверное, потому, что животные не были виновны, чего нельзя сказать было о людях.

К четырем часам ночи Стефан закончил свою работу на первом этаже и на третьем, где располагался его кабинет. Прежде чем покинуть институт, он спустился в главную лабораторию на первом этаже и посмотрел на ворота.

Ворота.

За ними находилось огромное количество цифр, приборов и графиков, которые мерцали оранжевым, желтым и зеленым светом. За ними находилось устройство цилиндрической формы, двенадцати футов длиной и восьми футов в диаметре, едва видимое в тусклом свете; его стальная оболочка мерцала, отражая огни приборов на пульте, который занимал три из четырех стен комнаты.

Он был здесь много раз, но каждый раз ощущал благоговейный страх – не потому, что это было удивительное научное изобретение, а потому, что его дьявольский потенциал не имел границ. Это не были ворота в ад, но они могли стать такими в руках недоброго человека. А сейчас они находились именно в таких руках.

Поблагодарив Виктора за пирог и сказав, что он съел все без остатка, – хотя на самом деле он отдал большую часть зверям в клетках, – Стефан поехал домой.

Буря продолжалась вторую ночь подряд. Дождевые облака надвигались с северо-запада. Вода стекала из водосточных труб и с крыши, образуя потоки, которые в темноте напоминали больше масло, чем воду. На улице были видны лишь патрульные военной полиции, облаченные в черные плащи, которые делали их похожими на героев старых новелл Брема Стокера.

Стефан поехал по прямой дороге к дому, не пытаясь избегать полицейских постов. Его документы были в порядке; ему разрешалось появляться на улице во время комендантского часа; и он больше не вез нелегальную взрывчатку.

Приехав домой, он поставил будильник и мгновенно уснул. Ему необходимо было отдохнуть, так как после полудня предстояли два трудных путешествия и убийства. Если он не будет к этому готов, то сам может оказаться жертвой пули.

Ему снилась Лаура, что он счел за доброе предзнаменование.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МУЧИТЕЛЬНОЕ ПЛАМЯ

ГЛАВА 1

Жизнь Лауры Шан с двенадцати до семнадцати лет напоминала чем-то пережаренное поле, катящееся по калифорнийской пустыне. Она останавливалась здесь или там на короткий срок и снова пускалась в путь, когда подует ветер.

У нее не было родственников, и она не могла оставаться с лучшими друзьями отца Лансами; Тому было шестьдесят два, Коре – пятьдесят семь и хотя они были вместе уже тридцать пять лет, детей у них не было. Необходимость воспитания юной девочки пугала их.

Лаура понимала это и не винила их. Августовским днем, когда она ушла из дома Лансов в компании женщин из Агентства социальной защиты детей, Лаура поцеловала Кору и Тома, заверив их, что с ней все будет в порядке. Уезжая на машине Агентства, она помахала им рукой, надеясь, что они почувствовали себя освобожденными.

Освобожденными. Это слово было новым приобретением. Освобожденный? Свободный от каких-либо обязательств или ответственности. Она хотела бы не чувствовать себя вынужденной пробивать свой путь в жизни без помощи ее любящего отца, ей хотелось бы быть свободной от ответственности жить ради его памяти.

Из дома Лансов ее привезли в детский приют Маклярой – старое обшарпанное здание с двадцатью семью комнатами, построенное промышленным магнатом по давней просьбе окружного Агентства социальной защиты. Этот приют и должен был стать ее временным домом.

Само заведение не было похоже на одно из тех, которые она рисовала в воображении. Здесь не было и добрых монахинь в развивающихся черных сутанах.

Здесь был Вилли Шинер.

Лаура впервые заметила его сразу после приезда, когда социальная служащая миссис Боумайн показывала ей комнату, в которой жили близнецы Акерсон и девочка по имени Тамми. Шинер подметал пол в коридоре.

Он был сильным, гибким, бледным, веснушчатым мужчиной около тридцати лет, с волосами цвета меди и зелеными глазами. Работая, он улыбался и что-то тихо насвистывал.

– Как себя чувствуете, миссис Боумайн?

– Хорошо, Вилли.– Она явно любила Шинера.– Это Лаура Шан, новая девочка. Лаура, это мистер Шинер.

Шинер посмотрел на Лауру с нескрываемым интересом.

– Ух... Добро пожаловать в Маклярой.

Идя за служащей, Лаура оглянулась на Шинера. Никто кроме Лауры не видел, как он опустил одну руку к ширинке и лениво потер там.

Лаура больше не оглядывалась.

Позже, когда она распаковывала свои чемоданы, стараясь придать своей комнате на третьем этаже более домашний вид, она обернулась и увидела в дверях Шинера. Она была одна, так как другие дети играли во дворе или игровой комнате. Его улыбка не была похожа на ту, которой он награждал миссис Боумайн: это была хищная и холодная улыбка. Свет, падающий из одного окна, падал на его лицо под таким углом, что его зеленые глаза приобрели серебряный оттенок и стали похожи на глаза мертвеца.

Лаура пыталась заговорить, но не могла. Она пятилась назад, пока не уперлась в стену позади своей кровати.

Он стоял неподвижно, его опущенные руки были сжаты в кулаки.

В приюте Маклярой не было воздушных кондиционеров. Окна спальни были открыты, но было ужасно жарко. Но Лаура вовсе не потела, пока не увидела в дверях Шинера. Теперь ее рубашка промокла от пота.

На улице дети смеялись и кричали. Они были близко, но ей казалось, что их крики доносились издалека.

Тяжелое ритмичное дыхание Шинера, казалось, становилось все громче и громче и уже заглушало голоса детей. Долгое время никто из них не шевелился и не говорил. Потом он резко повернулся и ушел.

Чувствуя слабость в коленях, Лаура подошла к своей кровати и села на край. Матрас смялся и пружины заскрипели.

Когда ее сердцебиение пришло в норму, она осмотрела комнату с серыми стенами. В четырех ее углах стояли узкие железные кровати, покрытые мягкими покрывалами и скомканными подушками. Возле каждой кровати стояла тумбочка с металлической лампой для чтения. На прибитой вешалке было восемь крючков, два из которых были ее. Кроме этого, в комнате стояли два шкафа, половину одного из которых она заняла. Старые занавески были потертыми и мятыми, они свисали волнами с металлических стержней. Весь дом был старым и обшарпанным, в воздухе стояла неприятная вонь, а Вилли Шинер бродил по комнатам и коридорам, как зловещий дух, ожидающий полнолуния, чтобы начать свои кровавые деяния.

Ночью, после ужина, близняшки Акерсон закрыли дверь комнаты и пригласили Лауру присоединиться к ним на протертый ковер каштанового цвета, где они могли сидеть кружком и секретничать.

Третья девочка – странная, тихая, хрупкая блондинка Тамми – не хотела присоединиться к ним. Подложив под спину подушку, она сидела и читала книгу, постоянно грызя свои ногти.

Лаура сразу же полюбила Тельму и Рут Акерсон. Им совсем недавно исполнилось по двенадцать лет и они были всего на месяц младше Лауры, но были достаточно сообразительны для своих лет. Они остались сиротами в девять лет и жили в приюте почти три года. Найти приемных родителей для детей их лет было трудно, особенно для близнецов, которых нельзя было разлучить.

Они не были очень красивыми девочками, но имели поразительное сходство во внешности: тусклые коричневые волосы, близорукие карие глаза, широкие лица, резкие подбородки и широкие рты. Лишенные красивой внешности, они были чрезвычайно вежливыми, воспитанными, энергичными и вообще хорошими девочками.

На Рут была голубая пижама с темно-зелеными кантиками на рукавах и мягкие голубые шлепанцы; ее волосы были стянуты в хвостик. Тельма была в красной пижаме и ярко-желтых шлепанцах, с двумя пумпонами в виде глаз, ее волосы развивались по плечам.

С наступлением темноты исчезла невыносимая жара дня. Они находились меньше чем в десяти милях от Тихого океана, поэтому ночной бриз делал возможным приятный сон. Окна были открыты, и мягкие дуновения ветерка циркулировали по комнате.

– Летом здесь очень скучно, – сказала Рут Лауре, когда они усьелись кружком на полу. – Мы живем не в бедности, но поступления в приют становятся меньше. Летом все наши благодетели заняты своими отпусками, они отдыхают на пляжах и забывают о нас.

– Здесь очень хорошо на Рождество, – сказала Тельма.

– В ноябре и декабре тоже, – сказала Рут.

– Да, – сказала Тельма. – Во время каникул благодетели начинают чувствовать угрызения совести перед бедняками, сиротами и бездомными, которым приходится носить пальто из газет, а ботинки из картона. Поэтому они присылают нам корзины с вещами и берут нас на разные веселья и в кино, хотя эти кинофильмы никогда не бывают хорошими.

– О, мне нравятся некоторые из них, – сказала Рут.

– Эти фильмы похожи друг на друга. В них нет чувств. Они никогда не водят нас на фильмы, в которых парни обнимают девочку. Семейные фильмы. Скукота.

– Ты должна простить мою сестру, – сказала Рут Лауре. – Она думает, что стоит на краю половой зрелости.

– Да, я на краю половой зрелости! Я чувствую, как наливаюсь соком! – сказала Тельма, вытянув одну тонкую руку в воздухе над головой.

Рут сказала:

– Боюсь, что отсутствие родительского воспитания повлияло на ее рассудок. Ей нельзя быть сиротой.

– Ты должна простить мою сестру, – сказала Тельма. – По всей видимости, она решила избежать половой зрелости и из девочки сразу стать старухой. Лаура сказала:

– А что вы скажете о Вилли Шинере? Близняшки Акерсон знающе переглянулись друг с другом и заговорили так синхронно, что не оставляли пробелов между своими утверждениями:

– О, это ужасный человек, – сказала Рут, а Тельма сказала, что он подонок. И Рут сказала:

– Он нуждается в терапии. А Тельма сказала:

– Нет, все, что ему нужно, это раз десять или лучше двадцать заехать по голове бейсбольной битой, а потом запереть в тюрьму до конца жизни.

Лаура рассказала им, как Шинер разглядывал ее, стоя на пороге комнаты.

– Он ничего не сказал? – спросила Рут. – Это подозрительно. Обычно он говорит: «Ты очень милая, маленькая девочка» или предлагает тебе конфету.

Тельма состроила гримасу.

– Ты можешь себе представить? Конфету? Как банально! Как будто он решил стать подонком, начитавшись полицейских буклетов, предупреждающих детей об извращенцах.

– Он не предлагал конфеты, – сказала Лаура, вздрогнув от воспоминания мертвых глаз Шинера и его тяжелого дыхания.

Тельма нагнулась вперед, понизив голос до шепота:

– Похоже, у Белого Угря язык прилип к глотке, что он даже забыл о своей обычной линии поведения. Может, он припас для тебя что-нибудь особенное, Лаура.

– Белый Угорь?

– Это Шинер, – сказала Рут. – Или коротко Угорь.

– Бледный и скользкий, – сказала Тельма, – это прозвище подходит ему. Держу пари, что он припас для тебя что-то особенное. Я имею в виду, малышка, что ты сногшибательная.

– Совсем нет, – сказала Лаура.

– Ты что, дурачишься? – сказала Рут. – У тебя прекрасные темные волосы и такие большие глаза.

Лаура вспыхнула и начала протестовать, но Тельма сказала:

– Послушай, Шан, мы с Рут не строим фальшивых иллюзий. Мы всегда говорим на прямо-моду. Мы знаем, в чем наша сила, и мы гордимся этим. Бог знает, что ни одной из нас не победить на конкурсе Мисс Америка, но мы очень интеллигентные и воспитанные. Ты же просто великолепна, поэтому не надо быть такой застенчивой.

– Моя сестра иногда так красочно выражается, – сказала Рут извиняющимся тоном.

– А моя сестра, – сказала Тельма Лауре, – все корчит из себя Мелани из «Унесенных ветром».

Она заговорила с южным акцентом и преувеличенным состраданием:

– О, Скарлетт не может принести вреда. Я люблю Скарлетт. Я всем сердцем люблю Рета, люблю даже янки, даже тех, кто разграбил Тару, сжег пшеницу и сделал сапоги из кожи наших детей.

Лаура захихикала по окончании представления Тельмы.

– Так что брось корчить из себя Мадонну, Шан! Ты великолепна.

– О'кэй, о'кэй. Я знаю, что я... красивая.

– Малышка, когда Белый Угорь увидел тебя, он тронулся умом.

– Да, – согласилась Рут, – ты ошеломила его. Вот почему он забыл залезть в свой карман и вытащить конфету, которую он всегда носит с собой.

– Конфету, – сказала Тельма. – Маленькую конфету «Тутси Роллс».

– Лаура, будь по-настоящему осторожна, – предупредила Рут. – Это грязный тип...

– Это мерзкая жаба! – сказала Тельма.

Из дальнего угла комнаты Тамми тихо сказала:

– Он не такой плохой, как вы говорите. Девочка со светлыми волосами вела себя так тихо, она была такой хрупкой и бесцветной, что Лаура даже забыла о ней. Теперь она увидела, что Тамми отложила книжку, согнула колени к груди и обхватила их руками. Ей было десять лет, на два года меньше остальных, и она была очень маленькой для своего возраста. В белой сорочке и носках Тамми выглядела скорее призраком, чем реальным человеком.

– Он никому не причинит вреда, – сказала Тамми колеблясь и неуверенно, как будто она не выражала свое мнение о Шинере, а шла по натянутому канату, под которым не было сетки.

– Он причинит кому-нибудь вред, если это сойдет ему с рук, – сказала Рут.

– Он просто... – Тамми поджала губы. – Он... одинок.

– Нет, милая, – сказала Тельма, – он не одинок. Он так ведь себя любит, что никогда не будет одиноким.

Тамми отвернулась от них. Она встала, сунула ноги в шлепанцы и пробормотала:

– Пора спать.

Она взяла свои туалетные принадлежности с тумбочки и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь и направляясь к ванной в конце коридора.

– Она берет конфеты, – объяснила Рут. Ледяная волна отвращения охватила Лауру.

– О, нет!

– Да, – сказала Тельма, – не потому, что она хочет конфет. У нее... не все в порядке. Она нуждается в одобрении, которое получает от Угря.

– Но почему? – спросила Лаура.

Рут и Тельма снова обменялись взглядом, принимая без слов обоюдное решение. Вздохнув, Рут сказала:

– Ну, понимаешь, Тамми нуждается в этом одобрении потому... что ее научил этому собственный отец.

Лаура была потрясена.

– Ее собственный отец?

– Не все дети из Маклярой сироты, – сказала Тельма, – некоторые из них здесь потому, что их родители совершили преступления и отправились в тюрьму. Других оскорбили их родственники физически... или сексуально.

Свежий воздух, влетающий в открытые окна, стал, возможно, только на градус или два холоднее, когда они сидели кружком на полу, но Лауре показалось, что осенний ветер таинственно обогнал месяц и ворвался в августовскую ночь.

Лаура сказала:

– Но Тамми ведь это не доставляет настоящего удовольствия?

– Нет, не думаю, – сказала Рут. – Но она...

– ... Вынуждена это делать, – сказала Тельма. – Она не может справиться с этим. Погрязла по уши.

Они замолчали, размышляя, и наконец Лаура сказала:

– Странно и... так печально. Мы не можем прекратить это? Разве мы не можем рассказать миссис Боумайн или кому-нибудь другому о Шинере?

– Из этого не получится ничего хорошего, – сказала Тельма. – Угорь будет отрицать это и Тамми тоже, у нас не будет доказательств.

– Но если она не единственный ребенок, над которым он надругается, кто-нибудь другой...

Рут покачала головой.

– Большинство из них находятся уже в других приютах, у приемных родителей или в своих семьях. Здесь осталось двое или трое... Но они либо похожи на Тамми, либо до смерти боятся Угря.

– Кроме того, – сказала Тельма, – взрослые ничего не хотят знать, они не хотят связываться с этим. Плохая репутация для приюта. Они выглядят очень глупо, когда стараются не замечать того, что творится под их носами. Кроме того, кто поверит детям?

Тельма изобразила миссис Боумайн, уловив так хорошо нотки ее голоса, что Лаура тут же узнала его.

– О, моя дорогая, они ужасные маленькие лжецы. Шумные, вредные и беспокойные маленькие скоты, способные уничтожить прекрасную репутацию мистера Шинера лишь для того, чтобы посмеяться. Для них нужна более жесткая система воспитания, для них это было бы лучше.

– Угорь будет оправдан, – сказала Рут, – он вернется к работе и найдет способ заставить нас заплатить за разговоры против него. Так случилось с одним парнем, который работал здесь. Мы звали его Хорьком. Бедный Денни Дженкинс...

– Денни донес на Хорька, он сказал Боумайн, что Хорек приставал к нему и еще двоим мальчикам. Хорек был уволен. Но двое других мальчиков не подтвердили историю Денни. Они боялись Хорька... Но они тоже нуждались в его доброты. Когда Боумайн и ее служащие допросили Денни...

– Они набросились на него, – зло сказала Рут, – с коварными вопросами, пытаясь подловить. Он запутался и они объявили его лжецом.

– И Хорек вернулся к работе, – сказала Тельма.

– Он воспользовался этим, – сказала Рут, – и нашел способ сделать Денни несчастным. Он безжалостно мучил мальчика до одного дня... Денни начал кричать и не мог остановиться. Доктор выстрелил в него и исчез.

Окончательно расстроенные, они сказали:

– Мы никогда его больше не видели.

Тельма положила руку на плечо сестры. Лауре она сказала:

– Денни нравился Рут. Он был приятный мальчик. Маленький, застенчивый, добрый... У него никогда не было шанса. Вот почему ты должна быть осторожна с Белым Угрем. Ты не должна показывать ему, что боишься. Если он попытается что-то сделать, кричи и бей ногой в промежность.

Тамми вернулась из ванной. Не глядя на них, она скинула шлепанцы и забралась под одеяло.

Хотя Лаура была поражена тем, что Тамми подчинялась Шинеру, она смотрела на хрупкую блондинку больше с симпатией, чем с отвращением. Никакое зрелище не могло быть жалостнее, чем эта маленькая, одинокая, беззащитная девочка, лежащая на узкой скрипучей кровати.

Ночью Лауре снился Шинер. У него была его собственная человеческая голова, но тело было белого угря. Куда бы Лаура ни бежала, Шинер скользил за ней, проползал под закрытыми дверями и другими препятствиями.

ГЛАВА 2

Почувствовав тошноту от того, что только что видел, Стефан вернулся из главной лаборатории института в свой кабинет на третьем этаже. Он сидел за столом, обхватив голову руками и качая ею с ужасом, гневом и страхом.

Этот рыжеголовый ублюдок Вилли Шинер хотел изнасиловать Лауру, избить ее до полусмерти, нанести ей такую травму, от которой ей никогда не отойти. Это была не просто вероятность, это произойдет, если Стефан не предотвратит это. Он видел последствия: лицо Лауры с кровоподтеками, разбитый рот. Но хуже всего были ее глаза, такие спокойные и полумертвые, глаза ребенка, который никогда больше не будет веселым, у которого не осталось больше надежды.

Холодный дождь барабанил по окнам кабинета, и этот пустой звук, казалось, отдавался внутри него, как будто тот ужас, который он видел, выжег все внутри, оставив лишь пустоту.

Он спас Лауру от грабителя в бакалейной лавке ее отца, но вот появилась новая опасность. Одна из вещей, которую он узнал из экспериментов в институте, это та, что судьба всегда была нелегка. Может быть, оскорбления и психологическое уничтожение были неизменной частью судьбы Лауры, и Стефан не мог предотвратить то, что должно было случиться раньше или позднее. Возможно, он не мог спасти ее от Вилли Шинера или вполне вероятно, что, после того как он помешает Шинеру, другой ублюдок войдет в ее жизнь. Но он должен был попытаться.

Эти полумертвые, безжалостные глаза...

ГЛАВА 3

В приюте Маклярой было семьдесят шесть детей, всем было по двенадцать лет или меньше, так как после тринадцати лет их переводили в Касвелл-Холл в Анахим. Отделанная дубовыми панелями столовая могла вместить только сорок человек, поэтому ели в две смены. Лаура ела во вторую смену вместе с близняшками Акерсон.

Стоя в раздаточной между Тельмой и Рут в свое первое утро в приюте, Лаура увидела, что Вилли Шинер был одним из четырех служащих, раздававших пищу. Он выдавал молоко и сладкие булочки.

Пока Лаура двигалась в очереди, Угорь большее время смотрел на нее, чем на детей, которых он обслуживал.

– Не позволяй ему запугать тебя, – прошептала Тельма. Лаура попыталась встретить взгляд Шинера и его вызов, но всегда первая отводила глаза.

Когда она подошла к нему, он сказал:

– Доброе утро, Лаура, – и положил на ее поднос сладкую булочку, которая была в два раза больше остальных и в которой было больше мака и пудры.

Во вторник, на третий день своего пребывания в приюте, она встретилась с миссис Боумайн в ее кабинете на первом этаже. Игта Боумайн была дородной женщиной в цветастом широком платье. Она разговаривала избитыми и банальными фразами с той очевидной неискренностью, которую четко имитировала Тельма, к тому же, она задавала кучу вопросов, на которые не хотела получать ответы. Лаура лгала о том, что она счастлива в приюте Маклярой, и эта лож доставляла миссис Боумайн огромное удовольствие.

Возвращаясь на третий этаж в свою комнату, Лаура встретила на лестнице Угря. Она поворачивала на второй площадке, а он стоял на следующей площадке, протирая тряпкой дубо-

вые перила. На ступеньке перед ним стояла открытая бутылка с жидкостью для полировки мебели.

Она замерла, а ее сердце начало биться в два раза быстрее, потому, что она знала – он поджидал ее. Он знал о ее разговоре с миссис Боумайн и правильно рассчитал, что она будет подниматься по этой лестнице.

Они были одни. В любое время здесь мог появиться кто-нибудь из детей или обслуживающего персонала, но сейчас они были одни. Ее первым желанием было отступить и подняться на третий этаж по другой лестнице, но она вспомнила, что Тельма говорила о противостоянии Угрю и о том, что такие типы полагались лишь на слабость жертвы. Она сказала себе, что лучше всего пройти мимо него, не сказав ни слова, но ноги отказывались слушаться; она не могла пошевелиться.

Посмотрев на нее с высоты пролета, Угорь улыбнулся. Это была ужасная улыбка. Его кожа была белой, а губы бесцветными, но его искривленные зубы были такими желтыми, с коричневыми пятнами, как кожура перезревшего банана. В сочетании с неестественно рыжими волосами его лицо напоминало клоунскую маску – но это был не клоун, которого можно было увидеть в цирке, а которого можно было встретить в ночь Хэллоуин с бензопилой вместо бутылки минеральной.

– Ты очень красивая маленькая девочка, Лаура. Она попыталась послать его к дьяволу, но не смогла произнести ни звука.

– Мне бы хотелось быть твоим другом, – сказал он.

Откуда-то она нашла силы сделать шаг ему навстречу.

Он улыбнулся еще шире, наверное, решив, что она согласна на его предложение дружить. Он сунул руку в карман своих штанов цвета хаки и достал пару «Тутси Роллс».

Лаура вспомнила комичную оценку, которую дала Тельма его дурацким, лишенным воображения замашкам, и неожиданно он стал для нее не таким страшным, как раньше. Предлагая ей «Тутси Роллс». Шинер казался неуклюжей карикатурой дьявола, и она бы рассмеялась над ним, если бы не знала того, что он сделал с Тамми и другими девочками. Хотя она не могла рассмеяться, нелепая внешность и манера Угря придали ей мужества подняться по лестнице мимо него. Когда он понял, что она не собирается брать конфеты и принимать его дружбу, он остановил ее, взяв рукой за плечо.

Она зло сбросила его руку.

– Никогда не прикасайся ко мне, урод. Лаура стала торопливо подниматься по лестнице, борясь с желанием бежать. Если она побежит, он поймет, что она все-таки боится его. Он не должен чувствовать ее слабости, иначе будет продолжать не давать ей покоя.

Когда она была в двух шагах от следующей площадки, у нее появилась надежда, что она выиграла, что ее грубость ошарашила его. Потом она услышала характерный звук расстегиваемой молнии. Позади нее он громко прошептал:

– Эй, Лаура, посмотри на это. Посмотри, что у меня есть для тебя.

Тон его голоса был сумасшедшим и ненавистным.

– Посмотри, посмотри на то, что в моей руке, Лаура. Она не оглянулась.

Она дошла до площадки и посмотрела на следующий пролет, думая про себя: «У тебя нет причин бежать. Ты не должна бежать, не должна, не должна».

С нижнего пролета Угорь сказал:

– Посмотри на эту большую «Тутси Роллс» в моей руке, Лаура. Она больше, чем остальные.

На третьем этаже Лаура напрямик направилась в ванную, где тщательно вымыла руки. Она смывала грязь, которую почувствовала после прикосновения к руке Шинера.

Позднее, когда она и близняшки Акерсон устроили свое ночное совещание на полу комнаты, Тельма захлебнулась смехом, узнав о том, что Угорь хотел показать Лауре «свою большую «Тутси Роллс». Она сказала:

– Он просто бесподобный, не правда ли? Как ты думаешь, откуда он перенял свою линию поведения? Может быть, газеты публиковали «откровения извращенца» или что-нибудь в этом роде?

– Дело в том, – беспокойно сказала Рут, – что он не отступил, когда Лаура стояла прямо перед ним. Я не думаю, что он отстанет от нее так просто, как отставал от девочек, которые сопротивлялись ему.

Этой ночью Лаура спала плохо. Она думала о своем необыкновенном ангеле-спасителе, о том, появится ли он так же таинственно, как раньше, и станет ли связываться с Вилли Шинером. Ей почему-то казалось, что на этот раз нечего было рассчитывать на него.

В течение последующих десяти дней августа Угорь вращался вокруг Лауры, как Луна вращается вокруг Земли. Когда она с близняшками Акерсон отправлялась в игровую комнату играть в карты или монополию, Шинер появлялся там через десять минут и принимался за мытье окон, полировку мебели или починку металлических карнизов, хотя все его внимание было явно приковано к Лауре. Если девочки искали уединения в углу игровой площадки за особняком, чтобы поговорить или поиграть, Шинер тут же появлялся в саду, неожиданно найдя мусор, который нужно было убрать. И хотя третий этаж был исключительно для девочек, он был открыт для мужского персонала, обслуживающего помещения между десятью утра и четырьмя вечера, поэтому Лаура не могла чувствовать себя в безопасности в своей комнате в эти часы.

Хуже навязчивости Угря была его пугающая, усиливающаяся черная страсть к ней, его похотливый взгляд и капли пота, которые появлялись на его лбу, когда он находился в одной комнате с ней больше нескольких минут.

Лаура, Рут и Тельма пытались убедить себя, что угроза от Угря уменьшалась с каждым днем, что его колебания росли благодаря молитвам Лауры. В сердцах они знали, что надеялись убить дракона одним желанием, на самом деле не представляли всей опасности до того субботнего вечера, когда, вернувшись в комнату, они застали Тамми, ожесточенно уничтожавшую книжную коллекцию Лауры.

Библиотека из пятидесяти любимых книг, которые она привезла из своей комнаты над бакалейной лавкой, лежала под кроватью Лауры. Тамми вытащила их на середину комнаты и в ненависти порвала две трети из них.

Лаура была потрясена увиденным, но Рут и Тельма отталкивали девочку от книг и сдерживали ее.

Лауре было невыносимо больно видеть уничтоженные книги, которые купил ее отец, которые напоминали ей о нем и о своем счастливом детстве. Ее владения были такими скудными, что только сейчас она поняла, что они помогали ей противостоять против всех жестокостей жизни.

Тамми потеряла интерес к книгам, так как реальный объект ее гнева теперь стоял перед ней.

– Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя! – ее бледное невыразительное лицо ожило впервые с тех пор, когда Лаура узнала ее, оно порозовело и было полно эмоций. Синяки под ее глазами не исчезли, но они уже не делали ее слабой и разбитой. Наоборот, она сейчас выглядела дико и необузданно. – Я ненавижу тебя, Лаура, я ненавижу тебя!

– Тамми, дорогая, – сказала Тельма, пытаясь удержать девочку, – Лаура никогда ничего не делала тебе.

Тяжело дыша, но больше не пытаясь вырваться из объятий Рут и Тельми, Тамми закричала на Лауру:

– Он говорит только о тебе! Я больше не нужна ему! Только ты! Он не переставая говорит о тебе! Я ненавижу тебя! Зачем ты пришла сюда? Я ненавижу тебя!

Никому не нужно было спрашивать, на кого она ссылалась. На Угря.

– Он больше не хочет меня! Никто теперь не хочет меня! Он захочет меня только если я помогу ему заполучить тебя, Лаура, Лаура, Лаура! Он хочет, чтобы я завела тебя в такое место, где он останется наедине с тобой, где он будет в безопасности, но я не сделаю этого, не сделаю! Кем я стану после того, как он доберется до тебя? Никем.

Ее лицо побагровело от злости. Хуже ее гнева было ужасное отчаяние, которое чувствовалось в ее словах.

Лаура выбежала из комнаты и бросилась по коридору к уборной. Чувствуя тошноту от отвращения и страха, она упала на колени перед треснутым желтым унитазом. Ее вырвало. Когда судороги в животе отпустили, она подошла к раковине и вымыла лицо холодной водой. Когда она подняла голову и посмотрела на себя в зеркало, из ее глаз хлынули слезы.

Она плакала не из-за своего одиночества и страха. Она плакала из-за Тамми. Мир был ужасен, если он допускал то, что десятилетняя девочка слышала слова одобрения только от подонка, который мучил ее, что она могла гордиться в жизни только сексуальностью своего хрупкого несформировавшегося тела.

Лаура поняла, что Тамми была гораздо в худшем положении, чем она. Хотя ее книги были уничтожены, Лаура владела добрыми воспоминаниями о своем любящем, добром, заботливом отце, которыми не обладала Тамми. Хотя Лаура лишилась части того, что имела, она была все еще в здравом уме, а Тамми была психологически уничтожена, и, возможно, ей уже никто не мог помочь.

ГЛАВА 4

Шинер жил в лачуге на тихой улочке в Санта-Ане. Это было одно из тех строений, построенных после второй мировой войны: маленькие, низкие дома с интересными архитектурными элементами. Этим летом, 1967 года, различные виды фикусовых деревьев достигли своей зрелости, раскинув свои ветви над домами. Дом Шинера был почти не виден из-за зарослей.

Около полуночи Стефан взломал замок задней двери и вошел в дом. Осматривая лачугу, он включил свет, не побеспокоившись даже опустить шторы.

Кухня была очень чистая. Голубая пластиковая поверхность буфета сияла. Хромированные ручки кухонной мебели, сливное отверстие раковины и металлические рамки кухонных стульев тоже блестели, на них не было ни единого отпечатка пальцев.

Он открыл холодильник, неуверенный в том, что он там что-то может увидеть. Может быть, какие-нибудь признаки поврежденной психики Вилли Шинера; конечность одной из жертв его издевательств, убитой и замороженной на память? Там не было ничего подобного. Тем не менее, во всем чувствовалась аккуратность этого человека: вся пища хранилась в отдельных аккуратных контейнерах.

Единственное, что было необыкновенно в содержании холодильника и буфета, это – преобладание сладостей: мороженое, булочки, пирожки, конфеты, пирожные, пончики и печенье. Также было много новых продуктов, как спагетти-ос и банки с овощными супами, этикетки на которых пестрели популярными героями мультфильмов. Съестные запасы Шинера напоминали запасы ребенка, который ничуть не задумывается о запасах обычных продуктов.

Стефан стал осматривать дом дальше.

ГЛАВА 5

Расправа над невинными книгами показала слабость духа Тамми. Она ничего больше не сказала о Шинере и, казалось, больше не имела враждебности к Лауре. Погружаясь в себя все больше с каждым днем, она отводила свои глаза от каждого и опускала голову; ее голос снизился до шепота.

Лаура не знала, что было тяжелее переносить – постоянную угрозу от Белого Угря или наблюдать все большее падение Тамми, чья активность становилась все слабее и слабее. Но в четверг, 31 августа, эти два камня неожиданно свалились с плеч Лауры, когда она узнала, что ее переводят в попечительский дом в Коста Меса на следующий день, в пятницу.

Ей не хотелось расставаться с Акерсонами. Хотя она знала их всего несколько недель, их дружба быстро окрепла.

Той ночью, когда они втроем сидели на полу своей комнаты, Тельма сказала:

– Шан, если ты попадешь в хорошую семью и счастливый дом, устраивайся поуютнее и наслаждайся жизнью. Если это будет хорошее место, забудь нас и заведи новых друзей. Но легендарные сестры Акерсон – Рут и я – уже прошли через три попечительских дома и все три были плохими, поэтому, дай мне понять, что если ты попадешь в гиблое место, то ты не останешься там.

Рут сказал:

– Для этого тебе нужно будет много плакать и говорить каждому, что ты несчастлива. Если не сможешь плакать, притворяйся.

– Дуйся, – посоветовала Тельма. – Будь неуклюжей. Бей, якобы случайно, посуду каждый раз, когда тебя будут заставлять ее мыть. Стань надоедливой.

Лаура была удивлена:

– Вы все это делали, чтобы вернуться в Маклярой?

– Это и еще больше, – сказала Рут.

– Но разве вы не чувствовали себя ужасно, разбивая их вещи?

– Для Рут это было тяжелее, чем для меня, – сказала Тельма. – Во мне живет дьявол, в то время как Рут напоминает монахиню из четырнадцатого века, чье имя мы так и не запомнили.

В первый же день Лаура поняла, что не хочет оставаться в семье Тигель, но она пыталась привыкнуть к этой мысли, так как их компания была сначала все же предпочтительнее возвращению в Маклярой.

Ее жизнь заключалась в прислуживании Флоре Тигель, для которой было интересно лишь разгадывание кроссвордов. Она проводила все дни и вечера за желтым кухонным столом, завернувшись в шерстяной джемпер, несмотря на теплую погоду, и разгадывая один кроссворд за другим с удивительным и в то же время идиотским упорством.

Она обычно обращалась к Лауре лишь для того, чтобы дать перечень заданий или за помощью в отгадывании какого-нибудь слова из кроссворда. Когда Лаура мыла посуду, Флора могла, например, просить:

– Кошка из семи букв?

Ответ Лауры был всегда одним и тем же:

– Не знаю.

– Я не знаю, я не знаю, я не знаю, – передразнивала ее миссис Тигель. – Кажется, ты вообще ничего не знаешь, девочка. Наверное, ты была невнимательной в школе? Ты что, не учила язык и не проходила слов?

Лаура, конечно, знала много слов. Слова для нее были частью красоты, каждое было магической частицей, которая, в сочетании с другими, образовывала магические заклинания.

Но для Флоры Тигель слова были игровыми фишками для заполнения клеток кроссворда, досадными и непослушными кучками букв, которые расстраивали ее.

Муж Флоры, Майк, был плотным водителем трейлера с детским лицом. Он проводил вечера в кресле-качалке с газетой, поглощая бессмысленные истории о вражеских правлениях и дьявольски развращенных кинозвездах. Его любовь к тому, что он называл «экзотическими новостями», была бы безвредной, если бы он был поглощен этим, как его жена кроссвордами, но он постоянно хлопал Лауру, когда она выполняла домашнюю работу, и громко читал ей наиболее причудливые статьи.

Она считала эти истории глупыми, нелогичными и бессмысленными, но она не могла сказать ему об этом. Она знала, что он вряд ли обрадуется, если она скажет это. Может, он сочтет ее дурочкой и будет объяснять ей с материнским терпением то, как живет мир. Что-то вроде: «Лаура, тебе еще многое предстоит узнать. Шишки из Вашингтона кое-что понимают во врагах и знают секреты Атлантического блока...»

Хотя Флора и Майк были такими разными, они имели одинаковое убеждение, что давая приют приемному ребенку, они обзаводились бесплатной служанкой. Лаура должна была чистить ковры, стирать белье, мыть посуду и готовить еду.

Их собственная дочь – Хазел, единственный ребенок – была на два года старше Лауры. Ужасно избалованная, Хазел никогда не готовила, не стирала, не мыла посуду и не подметала. Хотя ей было всего четырнадцать лет, у нее был прекрасный маникюр – накрашенные ногти на руках и на ногах. Если бы вы вздумали определить ее возраст по количеству часов, которые она проводила, вертясь перед зеркалом, то дали бы ей всего пять лет.

– Во время стирки, – объясняла она Лауре в первый день ее пребывания в доме Тигель, – ты должна обратить в первую очередь внимание на мое белье. И всегда вешай его в шкаф по цвету.

«Я уже читала эту книгу и смотрела это кино, – подумала Лаура. – Господи, я же стала настоящей золушкой!»

– Я собираюсь стать кинозвездой или манекенщицей, – сказала Хазел. – Мое лицо, руки и тело – это мое будущее. Я должна заботиться о них.

Когда миссис Инс – худая служащая Ассоциации социальной защиты сирот с очень подвижным лицом – нанесла визит в дом Тигель субботним вечером 16 сентября, Лаура намеревалась потребовать возвращения в приют Маклярой. Угрозы со стороны Вилли Шинера казались пустяковой проблемой в сравнении с повседневной жизнью в доме Тигель.

Прибывшая по расписанию миссис Инс застала Флору, моющей первую тарелку за прошедшие две недели. Лаура сидела за кухонным столом над развернутым кроссвордом, который в действительности был сунут ей в руки, когда прозвенел дверной звонок.

Во время откровенного разговора с Лаурой в ее спальне, миссис Инс отказывалась верить тому, что Лаура рассказывала о своих обязанностях домработницы.

– Но, моя дорогая, мистер и миссис Тигель прекрасные приемные родители. По тебе не покажешь, что ты трудилась с утра до вечера. Кажется, ты даже прибавила в весе несколько фунтов.

– Я не говорю, что они морят меня голодом, – сказала Лаура. – Но у меня совсем нет времени на школьные уроки. Каждую ночь я ложусь в кровать уставшая...

– Кроме того, – перебила миссис Инс, – приемные родители должны не только давать ребенку крышу, но и воспитывать его, что значит учить манерам и поведению, приобщать к домашней работе.

Миссис Инс невозможно было убедить.

Тогда Лаура вспомнила методы Акерсонов. Она начала со случайностей. Когда она мыла посуду, то та оставалась с жирными следами, на белье Хазел появлялись грязные и жирные пятна.

Потеряв часть своих любимых книг, Лаура стала уважительно относиться к бедности и не могла бить посуду или что-нибудь другое, что принадлежало семье Тигель, и эту часть плана Акерсонов она заменила издевательствами и неуважением. Когда Флора в очередной раз спросила ее слово из шести букв, которое означало «стадо быков», Лаура сказала: «Тигель». Когда Майк начал пересказывать очередную газетную историю, она перебила его встречной историей о мутировавшем человеке-кроте, тайно живущем в местном супермаркете. Хазел Лаура предложила сняться в фильме Эрнеста Боргнина в качестве подставки для телефона, потому что это была единственная ее возможность достигнуть своей цели и стать кинозвездой: «В этом качестве он точно наймет тебя!»

Ее издевательства начали сопровождаться шлепками. Огромные мозолистые руки Майка были похожи на весла. Он шлепал ими ее по задку, но она только сжимала губы и не давала волю слезам. Выглядывая из кухни, Флора говорила:

– Майк, достаточно. Не оставляй на ней синяков. Он неохотно уступал лишь тогда, когда его жена выходила из кухни и останавливала его руку.

В ту ночь Лаура плохо спала. Впервые в жизни она использовала свою любовь к словам и мощь языка, чтобы достигнуть определенной цели, и реакция Тигель говорила о том, что она действовала правильно. Еще больше ее возбуждала еще не совсем сформировавшаяся мысль о том, что слова не только обеспечивали ее защиту, но они могли помочь ей зарабатывать на жизнь, как, может быть, даже автору замечательных книг. Своему отцу она говорила о своем желании стать врачом, балериной, ветеринаром, но это были всего лишь разговоры. Ни одна из прежних мыслей не возбуждала ее так, как мысль о возможности стать писательницей.

На следующее утро, когда она спустилась в кухню и застала семью Тигель за завтраком, она сказала:

– Эй, Майк, я только что обнаружила следы пребывания марсиан, оставленные в унитазе.

– И что же это? – спросил Майк. Лаура улыбнулась и сказала:

– Экзотические новости.

Через два дня Лаура вернулась в приют Маклярой.

ГЛАВА 6

Гостиная и небольшой кабинет в доме Вилли Шинера были меблированы так, как будто здесь жил обычный человек. Стефан не был уверен в том, что он ожидал увидеть. Признаки сумасшествия, может быть, но не этот уютный, обыкновенный дом.

Одна из спален была пуста, другая была несколько необычна. Единственной кроватью был узкий матрас на полу. Наволочки подушек и простыни были для детской спальни, раскрашенные цветастыми фигурками мультипликационных кроликов. Ночной шкаф и тумбочка были детских размеров, светло-голубого цвета, с нарисованными животными на стенках и ящиках: жирафами, кроликами и белками. Шинер был владельцем коллекции Маленьких Золотых Книг, как и других детских книжек с картинками зверей и игрушек для шести-семи-летнего возраста.

Сначала Стефан подумал, что эта комната была сделана для соблазна соседских детишек, так как Шинер был невменяем до такой степени, что не мог не мучить свои жертвы даже дома, где риск был так велик. Но в доме не оказалось другой постели, а шкафы и полки были забиты мужской одеждой. На стенах висела дюжина фотографий одного и того же рыжеголового мальчишки, некоторые из них изображали новорожденного, другие – мальчика семи или восьми лет, и несомненно это было лицо молодого Шинера. Неожиданно Стефан понял весь смысл этой декорации. Лежа в постели, Шинер, очевидно, возвращался в мечту детства, а все эти предметы лишь способствовали еженощным возвращениям.

Стоя посередине этой странной комнаты, Стефан чувствовал отвращение и печаль. Ему казалось, что Шинер мучил детей не только ради сексуального удовлетворения, но для того, чтобы поглотить их молодость, чтобы стать таким же молодым, как они; казалось, что он не столько хотел пасть морально, сколько восстановить свою детскую невинность. Он был одинаково трогателен и презрен в своем неадекватном вызове к взрослой жизни, но несомненно опасен для своих жертв.

Стефан вздрогнул.

ГЛАВА 7

Ее кровать в комнате близняшек Акерсон была теперь занята другой девочкой. Лауру поместили в маленькой комнате на двоих в северном крыле третьего этажа возле лестницы. Ее соседкой стала девятилетняя Элойз Фишер, у которой была толстая коса и веснушчатое лицо, ее поведение было слишком серьезным для ребенка.

– Я собираюсь стать бухгалтером, когда вырасту, – сказала она Лауре. – Я люблю цифры. Их можно прибавлять по-разному и всегда получать один и тот же ответ. От цифр не бывает никаких сюрпризов; они не похожи на людей.

Родители Элойз были уличены в торговле наркотиками и посажены в тюрьму, а она была помещена в приют Маклярой до решения суда о попечительстве.

Как только Лаура распаковала свои вещи, она поспешила в комнату близняшек Акерсон. Ворвавшись в комнату, она закричала:

– Я свободна, я свободна!

Тамми и новая девочка удивленно посмотрели на нее, а Рут и Тельма бросились ее обнимать, что было похоже на возвращение в настоящую семью.

– Твоя приемная семья невзлюбила тебя? – спросила Рут.

Тельма сказала:

– Ага! Ты воспользовалась планом Акерсонов. – Нет, я убила их всех, пока они спали.

– Тоже дело, – согласилась Тельма.

Новой девочке, Ребекке Богнер, было около одиннадцати лет. Очевидно, она не нашла общего языка с Акерсонами. Слушая Лауру и близняшек, Ребекка говорила: «Вы странные», «Очень странно», «Господи, какие странности» – с таким выражением преимущества и презрения, что отравляла всю атмосферу не хуже химического оружия.

Лаура и близняшки отправились в угол сада, где они могли обсудить пятидневные новости без сопливых комментариев Ребекки. Стоял конец октября, и погода была еще теплая, хотя в первой половине утра было довольно прохладно. Они сели на скамейке на игровой площадке, которая была пуста, так как младшие дети готовились к обеду.

Не прошло и пяти минут, как в саду появился Вилли Шинер с электрическим приспособлением для подстригания кустов. Он принялся за работу в тридцати футах от них, но все его внимание было приковано к Лауре.

За обедом Угорь стоял на раздаточной линии, выдавая молоко и куски вишневого пирога. Самый большой кусок пирога он дал Лауре.

В понедельник она вошла в новую школу, где другие дети учились уже четыре недели и успели подружиться. Рут и Тельма были в том же классе, что и она, что делало ее вживание в коллектив проще, но Лаура вновь убедилась, как переменчива была жизнь сирот.

Во вторник, когда Лаура возвращалась из школы, миссис Боумайн остановила ее в коридоре.

– Лаура, ты можешь зайти в мой кабинет? Миссис Боумайн была в пурпурном цветастом платье, которое прекрасно контрастировало с розовыми и персиковыми цветами стен и штор в ее кабинете. Лаура сидела на розовом стуле, Миссис Боумайн стояла возле стола, намереваясь быстро закончить с Лаурой и приступить к другим делам. Миссис Боумайн всегда была суетливой и очень занятой.

– Элойз Фишер уезжает от нас сегодня, – сказала миссис Боумайн.

– Кто получил попечительство? – спросила Лаура. – Ей хотелось, чтобы это была бабушка.

– Бабушка и получила попечительство, – заверила миссис Боумайн.

Как повезло Элойз, Лаура надеялась, что будущий бухгалтер с косой и веснушками найдет в жизни еще что-то, чему можно верить, кроме холодных цифр.

– Теперь у тебя нет соседки, – коротко сказала миссис Боумайн, – у нас нет свободной кровати, поэтому ты не можешь...

– Могу я сделать предложение?

Миссис Боумайн нахмурилась и нетерпеливо посмотрела на свои часы. Лаура быстро сказала:

– Рут и Тельма мои лучшие подруги, с ними в комнате живут Тамми Хинсен и Ребекка Богнер. Но я не думаю, что Тамми и Ребекка нашли взаимопонимание с Рут и Тельмой, поэтому...

– Мы хотим научить вас жить с людьми, которые отличаются от вас. Общаясь только с одними девочками, ты не сформируешь своего характера. Как бы то ни было, дело вот в чем; я не могу заниматься переселением до завтрашнего дня, я сегодня занята. Поэтому я хочу знать, могу ли я положиться на тебя, что ты проведешь ночь одна.

– Положиться на меня? – спросила Лаура в недоумении.

– Скажи мне правду, девочка. Могу я оставить тебя одну на ночь?

Лаура не могла понять, каких неприятностей ждала социальная служащая от ребенка, оставленного одного на ночь. Может быть, она ожидала, что Лаура так забаррикадируется в комнате, что полиции придется взламывать дверь, травить ее слезоточивым газом и заключать в наручники.

Лаура была по-прежнему в недоумении.

– Конечно, все будет о'кэй. Я не ребенок. Со мной все будет в порядке.

– Ну что ж... Хорошо. Сегодня ночью ты перспишь одна, а завтра мы этим займемся.

Выйдя из цветастого кабинета миссис Боумайн и поднимаясь по лестнице на третий этаж, Лаура неожиданно подумала: «Белый Угорь, Шинер, будет знать о том, что она осталась одна на ночь». Он знал обо всем, что происходило в Маклярой, у него есть ключи, и он может вернуться ночью. Ее комната была рядом с лестницей, поэтому он может в считанные секунды проскользнуть в комнату и овладеть ею! Он оглушит ее или напичкает наркотиками, сунет в мешок и отнесет в подвал, и никто не будет знать, что с ней случилось.

Она развернулась на втором этаже и, прыгая через две ступеньки, бросилась обратно к кабинету миссис Боумайн, но, выскочив в коридор, чуть не столкнулась с Угрем. Он нес швабру и вез на тележке бак с водой, предназначенной для мытья полов.

Он усмехнулся ей. Может быть, это было только плодом ее воображения, но она была уверена – он знает, что она будет ночевать одна.

Ей нужно было пройти мимо него в кабинет миссис Боумайн и умолять ее о переселении на ночь. Она не могла обвинить в чем-то Шинера, иначе ее могла ждать судьба Денни Дженкинса, которому никто не поверил, но она могла найти другие причины для своего мнения.

Она также могла броситься на него, сбить его в таз с водой, двинуть ногой в пах и предупредить, чтобы он не связывался с ней. Но он отличался от семьи Тигель. Майк, Флора и Хазел были слабоумными, противными, невежественными, но относительно нормальными психически. Угорь был невменяем, и трудно было предугадать его реакцию на эти нападения.

Пока она колебалась, его улыбка расширялась, обнажив кривые желтые зубы. Его щеки порозовели, и Лаура поняла, что это говорило о его желании, которое у нее вызывало тошноту.

Она ушла, стараясь не бежать, пока не скрылась из вида. Она направилась в комнату Акерсонов.

– Ты будешь спать здесь сегодня, – сказала Рут.

– Конечно, – сказала Тельма, – ты останешься в своей комнате до вечерней проверки, а потом проберешься сюда.

Из своего угла, где она делала в кровати домашнее задание по математике, Ребекка Богнер сказала:

– У нас только четыре кровати.

– Я буду спать на полу, – сказала Лаура.

– Это запрещено правилами, – возразила Ребекка.

Тельма потрясла кулаком в ее сторону.

– О'кэй, хорошо, – согласилась Ребекка. – Я ведь не говорила, что не хочу, чтобы она оставалась здесь. Я просто сказала, что это запрещено правилами.

Лаура ожидала возражений Тамми, но та лежала на синей поверхности покрывала и смотрела в потолок, погрузившись в свои собственные мысли и ничуть не интересуясь их планами.

В отделанной дубовыми панелями столовой, за обедом из телятины с картофельным пюре и зеленью и под наблюдающими глазами Угря Тельма сказала:

– А что касается вопроса миссис Боумайн о твоей надежности... Она боится, что ты попытаешься покончить жизнь самоубийством, оставшись ночью одна.

Лаура не поверила этому.

– Дети уже делали это здесь, – печально сказала Рут. – Поэтому они поселяют по двое даже в очень маленьких комнатах. Одиночество... это одна из причин, которая наводит на мысль о самоубийстве.

Тельма сказала:

– Нам с Рут они не позволят остаться вдвоем в маленькой комнате – мы близнецы, потому они думают о нас как об одном человеке. Им кажется, что как только закроют дверь за нами, мы повесимся.

– Это смешно, – сказала Лаура.

– Конечно, смешно, – согласилась Тельма. – Вешаться это не очень достойно. Очаровательные сестры Акерсон – Рут и я – имеют склонность к большому драматизму. Мы бы совершили харакири украденными столовыми ножами или если бы мы только могли удержать бензопилу...

Эти споры велись приглушенными голосами, так как взрослые воспитатели присутствовали в столовой. Воспитательница третьего этажа – мисс Кейст – прошла мимо стола, за которым сидела Лаура с близняшками. Тельма прошептала:

– Гестапо.

Когда мисс Кейст отошла, Рут сказала:

– Миссис Боумайн неплохая женщина, но она плохо разбирается в том, что делает. Если бы она подольше присмотрелась к тебе, Лаура, она бы никогда не стала беспокоиться, что ты покончишь жизнь самоубийством. Ты живучая.

Гоняя несъедобные остатки пищи по тарелке, Тельма сказала: – Тамми Хинкенс была однажды поймана в постели с упаковкой лезвий, которыми она пыталась вскрыть вены на руках.

Лаура была неожиданно подавлена этой смесью юмора и трагедии, абсурдности и мрачного реализма, которые характеризовали в целом их жизнь в Маклярой. То они добродушно передразнивали друг друга, то они обсуждали попытку самоубийства знакомой девочки. Она понимала, что истинное понимание всего происходящего здесь появится у нее лишь с годами,

когда она, вернувшись домой, занесет все это в дневник наблюдений, который она уже начала составлять.

Рут пришлось выплюнуть на тарелку остатки пищи, которыми она подавилась. Она сказала:

– После попытки Тамми вскрыть вены, воспитатели неожиданно обыскали наши комнаты, искали опасные предметы. Они нашли у Тамми банку с горючей смесью и спички. Она намеревалась запереться в душевой, облить себя жидкостью и поджечь.

– О Господи! – Лаура подумала о тонкой светловолосой девочке с хрупкой комплекцией и синими кругами вокруг глаз, и ей показалось, что своим, самосожжением она лишь хотела ускорить тот медленный огонь, который пожирал ее изнутри.

– Они посылали ее на двухмесячное лечение, – сказала Рут.

– Когда она вернулась, – сказала Тельма, – взрослые говорили о том, что она стала выглядеть гораздо лучше, но нам с Рут показалось, что она осталась той же.

Через десять минут после того, как мисс Кейст закончила свой вечерний обход, Лаура вылезла из своей постели. Пустынный коридор освещался лишь тремя ночными лампами. В пижаме, босиком, с подушкой и одеялом в руках она заторопилась в комнату Акерсонов.

В комнате горел лишь ночник Рут. Она прошептала:

– Лаура, ты будешь спать на моей кровати. Я постелила себе на полу.

– Возвращайся в свою кровать, – сказала Лаура. Она несколько раз свернула свое одеяло, постелила его на пол возле кровати Рут, положила подушку и легла.

Ребекка Богнер сказала со своей кровати:

– У нас у всех будут неприятности из-за этого.

– Что они нам сделают? – спросила Тельма. – Привяжут к дереву во дворе, обмажут медом и оставят на съедение муравьям?

Тамми спала или притворялась спящей.

Рут выключила ночник, и они остались в ночной темноте.

Дверь распахнулась, и загорелся дневной свет. Одета в красный халат, мисс Кейст вошла в комнату, зло сопя.

– Значит, так! Лаура, что ты здесь делаешь? Ребекка Богнер застонала:

– Я же говорила вам, что у нас будут неприятности.

– Возвращайся в свою комнату сейчас же, девочка.

Быстрота, с которой мисс Кейст появилась в комнате, была подозрительна, и Лаура посмотрела на Тамми Хинсен. Светловолосая больше не притворялась спящей. Положив голову на локоть, она слабо улыбалась. Очевидно, она решила содействовать Угрю в его намерениях относительно Лауры, вероятно, для того, чтобы вернуть себе статус фаворитки.

Мисс Кейст проводила Лауру в ее комнату. Лаура набралась в постель, а мисс Кейст устала на нее на какое-то время.

– Здесь жарко. Я открою окно. – Вернувшись к кровати, она задумчиво посмотрела на Лауру. – Ты ничего не хочешь мне сказать? Может быть, что-нибудь не так?

Лаура подумала о том, чтобы рассказать ей все об Угре. Но что, если мисс Кейст останется поджидать Угря, когда он прокрадется в комнату, а он не придет? Лауре никогда больше не удастся обвинить Угря, потому что она оклеветала его и никто не воспримет ее всерьез. Потом, если Шинер все-таки изнасилует ее, он не будет наказан.

– Нет, нет, все нормально, – сказала она. Мисс Кейст сказала:

– Тельма слишком самоуверенна для своих лет, она бредит фальсификациями. Если у тебя хватит ума снова нарушить правила для ночных посиделок, то обзаведись более стоящими подругами, ради которых можно рисковать. – Да, мэм.

Лаура сказала это для того, чтобы только избавиться от нее, жалея о том, что на какой-то момент подумала хорошо об этой женщине.

После ухода мисс Кейст Лаура не встала с постели и не стала убегать. Она лежала в темноте, уверенная в том, что через полчаса будет очередная вечерняя проверка. Вряд ли Угорь появится здесь до полуночи, а сейчас было всего десять, поэтому между очередным визитом мисс Кейст и появлением Угря у нее будет достаточно времени, чтобы уйти в безопасное место. Далеко, далеко в ночи прогремел гром. Она села на кровати. Ее ангел-спаситель! Она откинула одеяло и подбежала к окну. Она не увидела молнии. Отдаленный рокот стих. Может быть, это вообще был не гром. Она подождала минут десять, но больше ничего не произошло. Расстроившись, она вернулась в постель.

Около одиннадцати часов ночи дверная ручка заскрипела. Лаура закрыла глаза, приоткрыла рот и притворилась спящей.

Кто-то тихо вошел в комнату и остановился возле кровати.

Лаура дышала медленно и глубоко, но ее сердце бешено стучало.

Это был Шинер. Она знала, что это был он. О Господи, она забыла, что он невменяемый и непредсказуемый, и теперь он был здесь раньше, чем она ожидала; он готовился сделать ей наркотический укол. Он сунет ее в мешок и понесет, как Санта-Клаус, который крадет девочек, вместо того чтобы оставлять им подарки.

Часы громко тикали. Холодный ветер шелестел занавесками.

Наконец тот, кто стоял возле кровати, ушел. Дверь закрылась.

Значит, все-таки это была мисс Кейст. Ужасно дрожа, Лаура соскользнула с кровати и накинула халат. Она перекинула одеяло через руку и вышла из комнаты без шлепанцев, потому что босиком производила меньше шума.

Она не могла вернуться в комнату Акерсонов. В место этого она открыла дверь на лестницу и шагнула на тускло освещенную лестничную площадку. Прислушиваясь к шагам Шинера, с которым она могла бы встретиться на лестнице, она спустилась на первый этаж.

Вздвигнув от прикосновения голыми ногами к кафельному полу, она направилась в игровую комнату. Она не включила света, полагаясь на призрачный свет уличных фонарей, светивших сквозь окна и отражавшихся на полированной поверхности мебели. Она осторожно прошла между стульями и игровыми столами и постелила свернутое одеяло позади дивана, на полу.

Она спала плохо, постоянно просыпаясь от ночных кошмаров. Старый дом был полон ночных звуков: скрипом половых досок и урчанием старого водопровода.

ГЛАВА 8

Стефан выключил весь свет и стал ждать в комнате, напоминавшей детскую. В три тридцать утра он услышал шаги вернувшегося Шинера. Стефан тихо спрятался за дверью спальни. Через несколько минут в комнату вошел Шинер, включил свет и направился к матрасу. Пересекая комнату, он издавал странные звуки, напоминая зверя, который вернулся из враждебного мира в свою берлогу.

Стефан закрыл дверь, и Шинер повернулся на звук, потрясенный тем, что в его норе находился кто-то чужой.

– Кто... кто ты? Какого дьявола ты делаешь здесь?

Из салона «чеви», припаркованного в тени на другой стороне улицы, Кокошка видел, как Стефан вышел из дома Вилли Шинера. Он подождал десять минут, вылез из машины, обошел дом и осторожно вошел внутрь через распахнутую заднюю дверь.

Он обнаружил окровавленного и неподвижного Шинера в детской спальне. В комнате пахло мочой, так как этот человек уже не контролировал свой мочевой пузырь. Когда-нибудь, подумал Кокошка с мрачной и садистской усмешкой на лице, я сделаю со Стефаном то же самое или даже хуже. С ним и с этой проклятой девчонкой. Как только я пойму ее роль в его планах и причину его беспокойства о ее жизни, я причиню им обоим такую боль, которую еще никто и никогда не испытывал в этой жизни.

Он ушел из дома Шинера. Во дворе он на мгновение взглянул на звездное небо и потом вернулся в институт.

ГЛАВА 9

Вскоре после рассвета, прежде, чем проснулся первый служащий приюта и когда миновала опасность появления Шинера, Лаура встала со своей постели в игровой комнате и вернулась на третий этаж.

Все в комнате лежало на своих местах. Признаков чьего-нибудь вторжения не было.

Чувствуя себя уставшей, они думала о том, что не преувеличила ли она дерзость и смелость Угря. Она чувствовала себя немного глуповато.

Она застелила свою кровать – что должен был делать каждый ребенок в приюте Маклярой – и когда поняла свою подушку, то была парализована тем, что лежало под ней. Это была конфета «Тутси Роллс».

В этот день Белый Угорь не вышел на работу. Он не спал всю ночь, готовясь к насилию над Лаурой, и, без сомнений, ему нужно было поспать.

– Как вообще такой человек как он может спать? – Удивлялась Рут, когда они собрались в углу сада после школы. – Я хочу сказать, неужели совесть не мучает его по ночам?

– Рут, – сказала Тельма. – У него нет совести.

– Она есть у каждого, даже у худшего из нас. Такими сделал нас Бог.

– Шан, – сказала Тельма, – приготовься ассистировать мне в лечении. У нашей Рут снова начинает развиваться слабоумие.

С отнюдь нехарактерным состраданием, миссис Боумайн перевела Тамми и Ребекку в другую комнату и позволила Лауре поселиться с Рут и Тельмой. Четвертая кровать осталась пустой.

– Это будет кровать Пола Маккартни, – сказала Тельма, когда они с Рут помогали Лауре переселяться. – Каждый раз, когда «Битлз» будут в городе, Пол может воспользоваться ею, а я воспользуюсь Полом!

– Временами, – сказала Рут, – ты просто невыносима.

– Эй, я всего лишь говорю о здоровых сексуальных потребностях.

– Тельма, тебе всего двенадцать лет, – сказала Рут раздраженно.

– Скоро уже тринадцать. У меня в любой день могут начаться месячные. Однажды утром мы проснемся все в крови, как после резни.

– Тельма!

В четверг Шинер тоже не вышел на работу. Его выходными на этой неделе были пятница и суббота, поэтому вечером в субботу Лаура и близняшки возбужденно обсуждали то, что Угорь может больше вообще не появиться в приюте, что его мог переехать грузовик или хватила кондрашка.

Но во время воскресного завтрака Шинер стоял на раздаче. У него были синяки под обоими глазами, забинтованное правое ухо, разбитая верхняя губа, глубокая царапина на челюсти и у него не хватало двух передних зубов.

– Может быть, его сбил грузовик, – прошептала Рут, когда они двигались вдоль раздаточной линии.

Другие дети тоже комментировали увечья Шинера, а некоторые из них хихикали. Но они продолжали бояться его и никто не решался сказать в его состоянии напрямик.

Лаура, Рут и Тельма затихли, когда приблизились к Шинеру. Чем ближе они подходили к нему, тем явственнее виднелись его раны. Его синяки под глазами не были свежими, им было уже несколько дней, и хотя они по-прежнему были черными, то в первоначальном виде они должны были полностью заволочь его глаза. Верхняя губа была рассечена. В тех местах, где его лицо не было изувечено, бледная кожа стала серой. С копной огненно-рыжих волос он выглядел чудновато. Он напоминал клоуна, который свалился с лестницы, не зная, как правильно падать, чтобы избежать повреждений.

Он не смотрел на детей, которых обслуживал, а опустил глаза на молоко и булочки. Казалось, он напрягся, когда Лаура подошла к нему, но Угорь так и не поднял глаза.

За своим столом Лаура и близняшки так поставили свои стулья, чтобы видеть Угря, который являлся предметом их разговора. Он не столько их страшил теперь, сколько интриговал. Вместо того чтобы избегать его, они провели весь день преследуя его, пытаясь случайно оказаться в тех же самых местах, что и он, глядя на него тайком. Для них стало ясно, что он избегал теперь даже смотреть на Лауру. Он смотрел на других детей, останавливался в игровой комнате, чтобы тихо поговорить о чем-то с Тамми Хинсен, но избегал встречи с взглядом Лауры, как будто это было все равно, что сунуть два пальца в розетку.

Позже, утром, Рут сказала:

– Лаура, он боится тебя.

– Будь я проклята, если это не так, – сказала Тельма. – Может быть, это ты так разукрасила его, Шан? Может, ты скрываешь от нас, что ты мастер каратэ?

– Это странно, не правда ли? С какой стати ему бояться меня?

Но она знала. Ее ангел-спаситель. Хотя она думала, что ей самой придется иметь дело с Шинером, ее спаситель явился снова и предупредил Шинера не приближаться к ней.

Она не была уверена, хотела ли она рассказывать Акерсонам о своем таинственном защитнике. Они были ее лучшими подругами. Она доверяла им. Однако интуитивно она чувствовала, что секрет ее ангела-спасителя должен остаться секретом. Она сама ничего не знала о нем и не должна была посвящать в это посторонних людей.

В течение следующих двух недель ссадины Угря зажили, повязка с уха исчезла, обнажив ярко-красные швы в тех местах, где эта часть его тела была практически оторвана. Он продолжал держаться на расстоянии от Лауры. Когда он обслуживал ее в столовой, то больше не ложил ей самые большие булочки и по-прежнему избегал смотреть ей в глаза.

Однако она случайно увидела, как он смотрел на нее из другого конца комнаты. Он быстро отвернулся, но она заметила в его глазах что-то худшее прежней страсти. Это было выражение ненависти. Очевидно, он ненавидел ее за то, что был избит.

В пятницу 27 октября она узнала от миссис Боумайн, что ее должны перевести в другой попечительский дом на следующий день. Ее хотели взять в свой дом мистер и миссис Доквейлер из Ньюпорт-Бич.

– Я уверена, что там тебе понравится, – сказала миссис Боумайн, стоя у своего стола в блестящем, желтом, цветастом платье, которое делало ее похожей на залитый солнечным светом диван. – То, что ты вытворяла у Тигель, лучше не повторять у Доквейлеров.

В эту ночь Лаура и близняшки пытались набраться мужества и обсуждали предстоящую разлуку в том же духе, что и перед отъездом Лауры в семью Тигель. Но теперь они ближе подружились, чем месяц назад, так близко, что Рут и Тельма разговаривали с Лаурой как с собственной сестрой. Тельма даже однажды сказала:

– Очаровательные сестры Акерсон – Рут, Лаура и я.

И Лаура вновь почувствовала себя любимой и живой впервые за три месяца со смерти отца.

– Я люблю вас, девчонки, – сказала Лаура. Рут сказала:

– О, Лаура! – и разрыдалась. Тельма нахмурилась.

– Ты скоро вернешься. Эти Доквейлеры окажутся ужасными людьми. Они будут заставлять тебя спать в гараже.

– Я надеюсь, – сказала Лаура.

– Они будут бить тебя кнутом...

– Это было бы здорово.

На этот раз молния, которая ворвалась в ее жизнь, оказалась доброй молнией или в конце концов так показалось сначала.

Доквейлеры жили в огромном доме в фешенебельном квартале Ньюпорт-Бич. У Лауры была своя спальня с видом на океан.

Показывая ей комнату, Карл Доквейлер сказал:

– Мы не знали, какие краски ты любишь, поэтому оставили все как есть, но мы можем украсить твою комнату так, как ты захочешь.

Это был сорокалетний мужчина, здоровый, как медведь, с широкой грудью и с широким лоснящимся лицом.

– Может быть, девочке твоих лет понравились бы розовые тона?

– О, нет, мне нравится все как есть! – сказала Лаура. Потрясенная богатством, в которое она попала, она подошла к окну и посмотрела на широкую пристань Ньюпорта, где на воде колыхались яхты.

Нина Доквейлер подошла к Лауре и положила руку на ее плечо. Она была симпатичной женщиной с темными волосами и фиолетовыми глазами. Она была похожа на китайку.

– Лаура, ваша воспитательница сказала, что ты любишь книги, но мы не знали, какие именно, поэтому сейчас же отправимся книжный магазин и купим те книги, которые тебе нравятся.

В книжном магазине Лаура выбрали пять книжек, Доквейлеры настаивали, чтобы она выбрала больше, но ей было стыдно тратить их деньги. Тогда Карл и Нина стали сами рыться на полках и зачитывать для нее названия книг, прибавляя их к отобранным, если Лаура выказывала хоть малейший интерес. Карл даже встал на карачки, чтобы прочесть названия книг на нижней полке.

– Эй, вот книга про собаку. Ты любишь рассказы о животных? А вот книга про шпионов! – он сказал это так смешно, что Лаура захихикала. Из лавки они ушли, купив около сотни книг.

Первый свой совместный обед они провели в пиццерии, где Нина проявила удивительный талант к магии, достав из-за уха Лауры золотое кольцо, которое вновь исчезло у нее в руке.

– Это удивительно, – сказала Лаура. – Где вы этому научились?

– Я владела фирмой по дизайну интерьеров, но мне пришлось бросить это еще восемь лет назад.

По причине здоровья. Это была слишком стрессовая работа. Я не могла сидеть дома без дела и поэтому решила заняться тем, о чем мечтала будучи деловой женщиной, у которой никогда не было свободного времени. Я стала учиться магии.

– У вас плохое здоровье? – спросила Лаура.

Безопасность напоминала коварный ковер, который люди вырывали у нее из-под ног, и теперь кто-то был готов снова выдернуть этот ковер.

Ее страх, должно быть, был очевиден, так как Карл Доквейлер сказал:

– Не беспокойся. Нина родилась с пороком сердца, но она проживет не меньше нас с тобой, если будет избегать стрессов.

– Это нельзя оперировать? – спросила Лаура, отложив кусок пиццы, так как у нее неожиданно пропал аппетит.

– Сердечная хирургия быстро продвигается вперед, – сказала Нина. – Может, года через два такая операция будет возможна. Но, дорогая, здесь не о чем беспокоиться. Я смогу сама позаботиться о себе. Тем более теперь, когда у меня есть дочь!

– Больше всего, – сказал Карл, – мы хотели иметь детей, но не могли. Когда мы решили усыновить какого-нибудь ребенка, то обнаружили болезнь Нины, поэтому нам бы не разрешили усыновить ребенка.

– Но нам разрешено быть приемными родителями, – сказала Нина. – Поэтому если тебе понравится у нас, можешь оставаться навсегда. Так, как будто мы удочерили тебя.

Ночью, в своей спальне с видом на море, Лаура говорила себе, что не должна слишком полюбить Доквейлеров потому, что сердечная болезнь Нины пресекала всякую возможность настоящей безопасности.

На следующий день, в субботу, они отправились по магазинам за одеждой и продолжали бы без конца тратить деньги, если бы она не стала умолять их остановиться. На «мерседесе», забитом новыми покупками, они поехали в комедийный кинотеатр «Петр Селлер», а после кино обедали в ресторане гамбургеров, где молочный коктейль был просто потрясающим. Посасывая через трубочку коктейль, Лаура сказала:

– Вам, ребята, повезло, что к вам послали именно меня, а не какого-нибудь другого ребенка.

Карл приподнял брови:

– Да?

– Вы прекрасные люди, очень прекрасные, но вы не осознаете своей уязвимости. Другой ребенок тоже заметил бы это и воспользовался. Безжалостно. Но со мной вы можете быть спокойны. Я не воспользуюсь этим преимуществом и не заставлю вас жалеть о том, что вы взяли меня.

Они смотрели на нее в недоумении. Наконец Карл посмотрел на Нину.

– Они провели нас. Ей не двенадцать лет. Они подсунули нам карлика.

Этой ночью, лежа в постели, Лаура повторила то, что должно было обеспечить ее защиту:

– Нельзя полюбить их слишком сильно, нельзя полюбить их слишком сильно!!!

Но она уже полюбила их с чудовищной силой.

Доквейлеры послали ее в частную академию, там учителя были более требовательными, чем учителя в обычных школах, где она училась. Но учеба ей нравилась, и она быстро втянулась. Постепенно она обзаводилась новыми друзьями. Она скучала по Тельме и Рут, но чувствовала себя лучше от того, что они будут довольны, если она обретет счастье.

Она даже начала думать, что в будущем ее непременно ждет счастье. К тому же у нее был необыкновенный ангел-спаситель, разве не так? Конечно, любая девочка, которую охраняет ангел-спаситель, познает любовь, счастье и безопасность.

Но разве стал бы настоящий ангел-спаситель стрелять человеку в голову? Разве он стал бы избивать в кровь человека? Не имеет значения. У нее был прекрасный спаситель, ангел он или нет, и приемные родители, которые любили ее. Разве могла она отказаться от счастья, которое само прыгало в руки?

Во вторник, 5 декабря, Нина отправилась на ежемесячное обследование к кардиологу, поэтому когда Лаура вернулась из школы, дома никого не было. Она отперла дверь своим ключом и положила тетрадки на столик в стиле времен царствования Луиса XIV, стоявший в вестибюле.

Огромная гостиная была отделана кремовыми, персиковыми и светло-зелеными тонами, которые делали ее весьма привлекательной, несмотря на размеры. Когда она остановилась у окна, чтобы насладиться видом, то подумала о том, как было бы здорово, если Рут и Тельма могли бы наслаждаться этим зрелищем вместе с ней. И неожиданно это показалось ей такой естественной вещью, как будто они уже были здесь.

А почему бы нет? Карл и Нина полюбят детей. Их любви было бы достаточно на полный дом детей, на тысячу детей.

– Шан, – сказала она громко, – ты просто гений.

Лаура пошла в кухню и приготовила легкую закуску, чтобы взять ее в свою комнату. Она нашла стакан молока, подогрела в печке шоколад и достала из холодильника яблоко, думая о том, как обговорить с Доквейлерами попечительство над близняшками. План стал таким естественным, когда она несла свою закуску в комнату, что даже не могла себе представить его провала.

Угорь поджидал ее в столовой. Он схватил ее и так швырнул об стену, что весь воздух разом вышел из ее легких. Яблоко и шоколад вылетели из ее руки вместе с тарелкой, он выбил из другой руки стакан с молоком, который вдребезги разлетелся, ударившись об обеденный стол. Он отдернул ее от стены, но снова швырнул так, что ее спину пронзила острая боль, в глазах появилась мутная пелена, но она знала, что нельзя падать, и пыталась сохранить сознание, хотя ее пронизывала боль и нечем было дышать.

Где же ее спаситель? Где?

Шинер наклонил к ней свое лицо, и ужас, казалось, обострял ее чувства, она разглядела каждую деталь его перекошенного от гнева лица: швы, которые держали его ухо у головы, были по-прежнему красными, вокруг переносицы кожа оставалась потемневшей, на подбородке остался дуговидный шрам. Его зеленые глаза были слишком странными для человеческих, они скорее напоминали кошачьи. Ее спаситель вот-вот отдернет его от нее, отдернет и убьет. В любую секунду.

– Я получил тебя, – сказал он пронзительным голосом маньяка, – и теперь ты моя. Ты скажешь мне, кто этот сукин сын, который избил меня, и я оторву ему голову.

Он держал ее за плечи, его пальцы впивались в тело. Он поднял ее с пола до уровня глаз и прижал к стене. Ее ноги болтались в воздухе.

– Кто этот ублюдок?

Он был слишком силен для своих размеров. Он оторвал ее от стены и снова придавил, держа на уровне глаз.

– Скажи мне, дорогая, или я оторву твои уши. В любую секунду теперь. В любую секунду. Боль все еще пронизывала ее спину, но она уже ощущала дыхание, хотя это оказалось его дыханием, вонючим и вызывающим тошноту.

– Ответь мне, дорогая.

Так можно было и умереть, ожидая вторжения ангела-спасителя.

Она пнула его ногой в пах, то был прекрасный удар. Его ноги были широко расставлены и он никак не ожидал подобного от пришпиленной к стене девчонки. Его глаза расширились – на какое-то мгновение они стали похожи на человеческие, – и он издал низкий и странный звук. Его пальцы разжались. Лаура рухнула на пол, а Шинер отшатнулся назад, потерял равновесие и, сокрушая обеденный стол, повалился на китайский ковер.

Парализованная болью, шоком и страхом Лаура не могла встать на ноги. Ноги словно стали тряпичными. Вялыми. Значит, надо ползти. Она могла ползти. Подальше от него. Быстрее из столовой. Надеясь, что сможет встать к тому времени, она поползла к гостиной. Он схватил ее за левую лодыжку. Она попыталась отбить его руку ногой. Ничего не выходит. Ноги словно тряпичные. Шинер держит ее. Холодные пальцы. Холодные, как у мертвеца. Он издал тонкий, пронзительный звук. Странный звук. Ее рука оказалась в луже молока, залившего

ковер. Она увидела разбитое стекло. Стенки бокала откололись. Толстое дно осталось целым, с острыми зубцами стенок. Оно было забрызгано остатками молока.

С трудом дыша, все еще наполовину парализованный болью, Угорь схватил ее за вторую лодыжку. Он постепенно подтягивался к ней. Он все еще издавал этот странный звук, похожий на птичье щебетание. Он собирался взвалиться на нее сверху. Прижать к полу. Лаура схватила разбитый бокал, при этом порезав палец, но ничего не почувствовала. Угорь уже добрался до ее бедер. Она перевернулась на спину. Если бы только она была угрем. Она вытянула вперед разбитый бокал, не намереваясь его ранить, а желая лишь отпугнуть. Но он уже опускался, падал на нее, и три острых выступа стекла впились ему в глотку. Он пытался отпрянуть, отбил стакан, но обломанные стекла остались в его глотке. Задышавшись и захлебываясь, он прижал ее к полу своим телом. Кровь хлынула из его носа. Она извивалась под ним. Он стиснул ее. Его колено тяжело упиралось в ее бедро. Его рот был у ее горла. Он бил ее, кусал ее кожу. В следующий раз он может ударить ее сильнее, если она позволит ему. Она молотила его кулаками. Дыхание свистело и шелестело в его разрезанном горле. Лаура пыталась высвободиться, но он удержал ее. Она ударила ногой. Ее ноги теперь не были вялыми. Удар попал в точку, и ей удалось отползти к гостинной. Под аркообразной дверью гостинной она встала на ноги и посмотрела назад. Угорь встал на ноги тоже и поднял над головой стул. Он швырнул его. Лаура увернулась. С громким треском стул угодил в косяк дверного проема. Она бросилась в гостинную, направляясь к вестибюлю, где была дверь, где был выход. Он бросил стул снова и на этот раз попал в плечо. Она упала, перевернулась и посмотрела вверх. Он возвысился над ней, хватая ее за левую руку. Ее силы ослабели. Перед глазами снова появилась темная пелена. Он схватил ее вторую руку. С ней было все кончено. Было бы кончено, во всяком случае, если бы осколок стекла в его глотке не перерезал артерию. Неожиданно поток крови хлынул из его носа. Он рухнул на нее ужасно тяжелым весом. Мертвым весом.

Лаура не могла шевелиться, едва могла дышать, но по-прежнему боролась за свое сознание. Сквозь свои придушенные рыдания она услышала звук открываемой двери. Шаги.— Лаура, я пришла.— Это был голос Нины, светлый и радостный вначале, потом пронзительный от ужаса.— Лаура? О мой Бог, Лаура?

Лаура попыталась сдвинуть с себя мертвое тело, но ей лишь наполовину удалось это, достаточно, чтобы увидеть Нину, стоящую в вестибюле.

На какой-то момент женщина была парализована шоком. Она тарасилась на свою кремовую, персиковую и светло-зеленую гостиную, со вкусом подобранный интерьер которой был запачкан пятнами крови. Потом ее фиолетовые глаза посмотрели на Лауру, и она вышла из транса.

— Лаура! О Господи, Лаура!

Она сделала три шага вперед, резко остановилась и согнулась пополам, как будто от удара в живот. Из ее рта вылетели странные звуки: «Ух, ух, ух, ух». Она попыталась выпрямиться. Ее лицо было искажено. Ей так и не удалось выпрямиться, она рухнула на пол и затихла.

Так не должно было случиться. Это было несправедливо, черт возьми. Любовь к Нине придала Лауре сил. Она высвободилась из-под тела Шинера и быстро подползла к своей приемной матери.

Нина была неподвижна. Ее широко распахнутые глаза были безжизненны.

Лаура положила свою окровавленную руку на шею Нины, щупая пульс. Ей показалось, что она нашла его. Слабый и непостоянный, но это был пульс.

Она взяла подушку с кресла и положила ее под голову Нины, потом бросилась на кухню, где на стене были записаны номера телефонов полиции и «скорой помощи». Дрожащим голосом она сообщила о сердечном приступе Нины и назвала адрес.

Когда она повесила трубку, то знала, что все будет в порядке, потому что она уже потеряла отца из-за сердечного приступа и было бы нелепо потерять из-за этого же Нину. В жизни

бывают нелепые моменты, да, но сама жизнь не была нелепой. Жизнь могла быть странной, трудной, удивительной, красивой, незначительной, таинственной, но не нелепой. Поэтому Нина будет жить, потому что смерть Нины была бы нелепой.

Все еще напуганная и взволнованная, Лаура почувствовала себя лучше и поспешила в гостиную, где села на колени возле своей приемной матери.

В Ньюпорт-Бич была первоклассная «скорая помощь». Она прибыла через три-четыре минуты после звонка Лауры. Двое врачей были вооружены новейшим медицинским оборудованием. Тем не менее через несколько минут они заявили, что Нина мертва, и несомненно она была мертва с того момента, как упала.

ГЛАВА 10

Через неделю после возвращения Лауры в Маклярой и за восемь дней до Рождества миссис Боумайн подселила Тамми Хинсен на четвертую кровать в комнате Акерсонов. В необычной уединенной беседе с Лаурой, Рут и Тельмой она объяснила причину этого переселения:

– Я знаю, вы скажете, что Тамми не очень счастлива оставаться с вами, девочки, но, кажется, ей здесь все-таки лучше, чем в любой другой комнате. Мы помещали ее в разные комнаты, но дети не могли ужиться с ней. Я не знаю, чем она так раздражает детей, но в других комнатах ее обычно избивали.

Прежде чем появилась Тамми, Тельма села на пол в позе йога, скрестив ноги под собой и упираясь пятками в бедра. Она заинтересовалась йогой, когда «Битлз» одобрили восточную медитацию, и сказала, что когда наконец встретит Пола Маккартни (который был ее постоянным кумиром), это будет здорово, если у нас будет что-то общее, если мы сможем поговорить с ним о йоге.

Теперь, вместо медитации, она сказала:

– Что сделает эта корова, если я скажу: «Миссис Боумайн, дети не любят Тамми потому, что она позволила Угрю обмануть себя, потому что она помогла ему подбираться к другим, тоже уязвимым девочкам, потому, что она наш враг». Что Бовин Боумайн сделает, когда я скажу ей все это?

– Она назовет тебя лживым сунсом, – сказала Лаура, падая на свою застеленную кровать.

– Без сомнений. Потом она съест меня за завтраком. Вы видели размеры этой женщины? Она становится все больше с каждой неделей. Такие большие люди опасны, они могут съесть ребенка со всеми потрохами и костями.

Глядевшая через окно на детей, играющих в саду, Рут сказала:

– Дети несправедливо относятся к Тамми.

– Жизнь несправедлива, – сказала Лаура.

– Жизнь нельзя критиковать, – сказала Тельма. – Господи, Шан, не строй из себя философа, говоря банальные вещи. Ты знаешь, что мы ненавидим банальности так же, как ненавидим песню Бобби Джентри «Одна Билли Джо».

Когда Тамми появилась час спустя, Лаура напряглась. Ведь она убила Шинера, а та зависла от него. Она ожидала увидеть разъяренную Тамми, но та встретила ее лишь слабой и печальной улыбкой.

После того как Тамми прожила с ними два дня, стало ясно, что она переживает потерю Угря с извращенным сожалением, но и с облегчением. Бешеный нрав, который она проявила во время расправы над книгами Лауры, погас. Она снова стала тусклой и хрупкой девочкой, которая в первый день пребывания Лауры в Маклярой показалась ей скорее духом, чем реальным человеком. Казалось, что над ней нависла постоянная опасность превратиться в серое облачко дыма, которое навсегда рассосется после первого же легкого дуновения ветерка.

После смерти Угря и Нины Доквейлер Лаура посещала получасовые собеседования с доктором Буном, психотерапевтом, который приходил в Маклярой каждый вторник и субботу. Бун не мог понять, как Лаура смогла перенести потрясение после нападения Вилли Шинера и трагической смерти Нины без повреждения психики. Он был поражен ее ясными рассуждениями о ее чувствах и взрослым языком, которым она описывала события в Ньюпорт-Бич. Выросши без матери, потеряв отца, пережив мучительные кризисы и ужас – но больше всего, лишившись любви отца – она была похожа на губку, которая впитывала все, что заставляла пережить жизнь. Хотя она могла говорить о Шинере с бесстрастием и о Нине без видимой печали, психиатр понимал, что ее чувства фальшивы и нереальны.

– Так, значит, тебе снился Вилли Шинер? – спросил он, сидя возле нее на диване в маленьком кабинете, который предоставлял ему приют Маклярой.

– Он снился мне дважды. Это были, конечно, кошмарные сны. Но всем детям снятся кошмары.

– Нина тебе тоже снилась. Это были кошмары?

– О, нет! Это были мои любимые сны. Доктор выглядел удивленным.

– Когда ты думаешь о Нине, ты чувствуешь печаль?

– Да. Но так же... Я помню смешные моменты, когда мы покупали платье и сладости. Я помню ее улыбку и смех.

– А вина? Ты чувствуешь свою вину в том, что случилось с Ниной?

– Нет. Может быть, Нина и не умерла бы, если бы я не оказалась у них и не привела бы за собой Шинера, но я не чувствую в этом своей вины. Я пыталась стать для них хорошей приемной дочерью, и они были счастливы со мной. То, что случилось, это превратности судьбы, а не моя ошибка: никогда не знаешь, что преподнесет тебе судьба.

– Судьба? – спросил он растерянно. – Так ты относишься к жизни, как к напыщенной комедии? Как к «Трем подпевалам»?

– Частично.

– Значит, жизнь это шутка?

– Нет. Она и в шутку, и всерьез.

– Но разве так бывает?

– Если вы ничего не знаете, – сказала она, – то, может быть, я буду задавать здесь вопросы?

Она заполнила много страниц своего дневника наблюдениями о докторе Уилли Буне. О своем неизвестном спасителе, однако, она не написала ничего. Она пыталась даже не думать о нем. Он обманул ее. Лаура стала зависеть от него; его героические поступки заставили чувствовать себя особенной, и это чувство помогло ей выжить после смерти отца. Теперь она чувствовала себя глупой из-за того, что возложила на чьи-то плечи заботу о своей безопасности. Записка, которую спаситель оставил ей, была по-прежнему у нее, но она больше не перечитывала ее. День за днем предыдущие поступки ее спасителя все больше казались собственными фантазиями. В рождественский вечер они вернулись в свою комнату с подарками, которые получили от благотворительных обществ и отдельных благотворителей. Они распевали рождественские песни и были удивлены, когда Тамми присоединилась к ним. Она пела низким, пробным голосом.

Через пару недель она почти перестала грызть ногти. Тамми выглядела обычно, но казалась более спокойной и более уверенной в себе как никогда.

– Если ее никто не будет беспокоить, – сказала Тельма, – она, может, снова придет в себя.

В пятницу, 12 января 1986 года, Лауре исполнилось тринадцать лет, но она не праздновала день рождения. Ей не было весело.

В понедельник она была переведена из Маклярой в Касвелл-Холл, приют для старших детей, который находился в Анахиме, в пяти милях отсюда.

Рут и Тельма помогли перенести ее вещи в вестибюль. Лаура никогда не могла себе представить, что ей не захочется покидать Маклярой.

– Мы приедем в мае, – заверила ее Тельма. – Нам исполнится тринадцать 2 мая, и тогда мы уедем отсюда. Мы снова будем вместе.

Когда социальный служащий из Касвелла прибыл, Лауре было неохота идти. Но она пошла.

Касвелл-Холл был старой высшей школой, которая была превращена в спальные апартаменты, развлекательные комнаты и кабинеты для социальных служащих. Атмосфера здесь была более учебной, чем в Маклярой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.